

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ И ЕГО ТРУДАХ

От Издательства

Антон Антонович Керсновский — один из самых значительных русских военных историков XX столетия. Не будучи дипломированным офицером Российского Генштаба, он самостоятельно создал фундаментальные труды «Философия войны» и «История Русской армии», которые занимают значительное место в ряду основополагающих работ по русской военной истории.

* * *

Антон Антонович Керсновский родился 23 июня 1905 г. (некоторые ученые называют 1907 г.) в родовом имении семьи — деревне Цепилово, близ города Сороки в Бесарабии. Его отец — тоже Антон Антонович Керсновский — был юристом-криминологом, следователем Одесской судебной палаты. Мать, Александра Алексеевна, урожденная Каравасили, преподавала иностранные языки.

В гимназические годы Антон Керсновский в полном объеме проявил семейную любовь к литературе и способность к языкам. Однако со временем юноша все более увлекался военным делом. Вероятно, он бы продолжил дело деда по отцовской линии — полковника-геодезиста Антона Антоновича Керсновского. Однако грозный ход исторических событий стремительно опередил срок возмужания юного последователя А. Суворова и М. Скобелева.

В Одессе, где в мирное время семья Керсновских жила на Маразлиевской улице, за годы революции и Гражданской войны власть менялась, по самым скромным подсчетам, 14 раз. Так что проследить в этом горниле прочерк частной судьбы, тем более столь юной, практически невозможно. Известно только, что 15-летний Керсновский оказался в Добровольческой армии и храбро воевал в ее рядах «баклажкой» — так в Белом движении называли малолетних гимназистов-воинов.

В 1920 году вместе с остатками Белой армии Керсновский эмигрировал в Сербию, затем вернулся в родное Цепилово, вошедшее в состав Румынии, откуда выехал в Австрию с целью продолжения обучения. В Вене Антон Антонович окончил Консульскую Академию, потом переехал во Францию. В Дижоне он обучался в местном университете, а в Сен-Сире прошел курс в знаменитой военной школе.

Во второй половине 20-х гг. Керсновский окончательно обосновался в Париже. Его несомненно ждала прекрасная будущность, но все свои отличные качества: выигрышную внешность, элегантные манеры, блестящий интеллект с обширными познаниями в области дипломатии, истории, языков, завидные знакомства и престижные связи, Керсновский принес на алтарь любимой России и ее многострадальной армии.

Этот молодой человек удивлял всех исключительной работоспособностью и неистовой целеустремленностью. Жизнь в эмиграции давалась нелегко: приходилось давать уроки, разносить почту, выполнять мелкие заказы и пр., а он радовался ночной работе, ибо днем можно было проводить долгие часы в парижских архивах и библиотеках.

Первая статья Керсновского «Об американской артиллерии» появилась 20 марта 1927 г. в белградском еженедельнике «Русский военный вестник»

(с 1928 г. — «Царский вестник»). И этот научный старт был такой силы и глубины, что о нем многоуважаемый теоретик военного дела, генерал-майор Борис Владимирович Геруа сказал: «Он сейчас совершенно свободно мог быть профессором Военной Академии». Издатель «Военного вестника» Николай Павлович Рклицкий, будущий архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон, высоко оценил талант 20-летнего автора и предоставил ему неограниченную возможность выступления на своих печатных страницах. В результате до 1940 года Керсновский опубликовал здесь более 500 (!) различных материалов.

Сначала исследователь сосредоточился на вопросах истории и современного состояния вооруженных сил государств. Этому были посвящены его статьи «Германская конная дивизия военного времени», «Сущность французской военной реформы» и др. Другая серия статей разрабатывала русскую проблематику: «Упущенная возможность», «Ко второй гражданской войне», «Военизация страны», «Наша будущая малая армия» и др. Также Керсновский уделял большое внимание внутреннему и международному положению стран, особенно Германии начала 30-х годов. В цикле статей он не просто предсказал возврат войны и приход Гитлера к власти, но и сделал грозное предостережение: «Для нас, русских, важно не забывать, что с воскресением германской армии восстанет из небытия наш недавний заклятый враг».

С конца 1932 г. в «Царском вестнике» стала публиковаться в сокращенном варианте «Философия войны» (вся книга увидела свет в 1939 г.). А с 1933 г. по 1938 г. выходил в Белграде его основной труд «История Русской армии» в 4-х томах. Что же касается других книг, то двухтомное «Военное дело» так и осталось в рукописи, а о «Русской стратегии в образцах», «Крушении германской военной доктрины в 1914 г.», «Синтетическом очерке современных компаний» и ряде других трудов известно лишь по косвенным и отрывочным упоминаниям.

Феномен Керсновского поражал современников прежде всего разительным несоответствием возраста гражданского человека и его профессиональной военной подготовкой. Полагали даже, что имеет место мистификация или что-то в этом роде, вплоть до коллективного псевдонима. Впрочем, загадку этого явления радикально и по-своему разрешили в той же Германии, когда, вслед за Югославией, Болгарией и Чехией, стали охотно переводить статьи Керсновского

и с пиететом именовать автора *russischer General Kersnovski* — «русский генерал Керсновский».

Немецким военным и в голову не приходило, что с кем-то ниже рангом мог лично полемизировать на журнальных страницах «творец рейхсвера» генерал-полковник Йоханнес («Ханс») фон Сект, который в 1920-х гг. заложил основы воссоздания германской армии и ее технического перевооружения и разработал концепцию маневренной войны, что привело к блестящим успехам вермахта на первом этапе Второй мировой войны.

Юбилейный номер «Царского вестника» издателя и читатели целиком посвятили Керсновскому. Более 100 русских офицеров, участников Мировой и Гражданской войн, приветствовали его в своем адресе «как высокоодаренного военно-литературного труженика». «Ваши статьи, политические обзоры, — писали далее они, — мы всегда читаем с большим интересом и всегда мысленно благодарим Вас за Ваши неустанные труды. Особенно ценно, что Вы сочетали в себе всестороннее образование, молодость, глубокий патриотизм и истинное понимание нашей родной Армии».

Незадолго до нападения Германии на Францию Керсновского призвали во французскую армию и отправили на фронт. «Грустно и несправедливо, — писал он родным из окопов «странной войны» в феврале 1940 г., — умирать на чужой земле и за чужую землю, когда я хотел быть полезным своей Родине».

Вскоре пришло сообщение о гибели Керсновского под Деммартеном. И хотя оно оказалось ошибочным, но приблизило смерть ученого, ведь тяжелое ранение и нищая жизнь после демобилизации обострили застарелый, еще с Гражданской войны, туберкулез.

Мать Керсновского и его сестра Ефросинья (глава семьи умер в 1936 г.) остались на территории Бесарабии, присоединенной в 1940 г. к СССР, и от них не было никаких известий. Буквально всем для Керсновского в последние годы и дни стала его любимая жена Галина Викторовна, урожденная Рышкова, сестра знаменитого в кругах русской эмиграции военного писателя Е. Тарусского. Маленькая семья Керсновских долгое время жила «на птичьей верхотуре», в чердачной комнате, увидевшей и трагический конец супругов.

Антон Антонович Керсновский скончался 24 июня 1944 г. в Париже. Галина Викторовна не перенесла смерти любимого мужа и выбросилась из окна на тротуар, как только поняла, что его больше нет. Керсновский был похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в одной могиле с женой.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Строки эти представляют посильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело — возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной — одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров — Клаузевиц, его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло, «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы. Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно не использованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штамп германского Большого Генерального штаба.

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность, а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 г., разгромом в Японскую, Великую¹, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание русской национальной военной доктрины стоит с 1800 г. незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И — как на памятник в Галлиполи² — каждый должен принести на него свой камень.

Автор

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

² Имеется в виду так называемое Галлиполийское сидение — стояние лагерем регулярных частей Вооруженных сил Юга России в окрестностях греческого города Галлиполи (ныне турецкий город Гелиболу). Войска эвакуировались из Крыма в ноябре 1920 г., последние части покинули Галлиполийский лагерь в мае 1923 г. 16 июня 1921 г. по проекту подпоручика Н. Н. Акатьева в центре Большого русского военного кладбища на северо-западной окраине города был открыт памятник умершим в Галлиполи русским воинам. Построен он был как древний курган из принесенных русскими галлиполийцами 20 тысяч камней. В 1949 г. памятник был разрушен в результате землетрясения, в 2008 г. был восстановлен.

Часть первая.

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Глава I

ВОЙНА И ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ

Шестая заповедь гласит: «Не убий». На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, например духоборы, меннониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки осознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных (в частности, сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения), было поэтому сделано две оговорки при истолковании шестой заповеди, а именно — дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом — без доказательств из Священного Писания (в частности в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угодения к «властям предержащим». Сказано — «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и т. п.), и заключается уязвимое место. А между тем все эти сектантские и иные кривотолки сами собой отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве.

Для этого стоит лишь предложить толкователям шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговой своему избранному народу — народу еврейскому, но отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношение еврея к Богу своих отцов, последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как восьмая запрещает еврею красть у еврея, а девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел своим походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собой как бы армию — и десять заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил мадианитян. Самсон вразумлял филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками — и Божья благодать почилла на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо сему надлежит быть прежде» (Мф. 24, 6; Мк. 13, 7; Лк. 21, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, он заповедал им: «Никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лк. 3, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие, Богу не угодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, ответил: «Кесарево — кесарю» (Мф. 22, 21; Лк. 20, 25). И разве отбытие воинской повинности — самого тяжелого из всех налогов — не является воздаянием кесарева кесарю, царского царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Мф. 5, 39—40; Лк. 6, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверев-

лой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать — огонь небесный испепелил бы и судий, и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец — как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню — дом Отца Его, Он свил бич из веревок и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки толстовцев и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылаю вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лк. 22, 35—37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны — «все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом — прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении обращается таким образом против ереси.

Святой Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями Отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротivления злу насилieм» как богопротivное, антицерковное и в конечном своем итоге — бесчеловечное.

Глава II ПОНЯТИЕ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» И ЦЕЛИ ВОЙНЫ

При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для государства и нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий.

Применив критерий высшего порядка — критерий духовной ценности, мы можем разделить все веденные человечеством войны на три категории.

Первая — войны, веденные в защиту высших, духовных ценностей, войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917—1922 г. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мероприятия для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать — авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805—1807 г., поход в 1849 г. на венгров, экспедиции французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории — абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых — незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороха и пролито крови на войнах второй категории — войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерил, как только что замечено, для этого рода войн не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» — следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма — чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, — проанализируем для примера справедливость русско-польских отношений вообще. На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли, пользуясь монгольским разгромом, наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент — многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед за тем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И Первый раздел Польши — в сущности не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия, явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была, таким образом, восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления пожить тем, что «плохо лежит», — совершенно так же, как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства у польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности

польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Личейцы Скшинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской и снова нездоровое стремление взять что плохо лежит. И в результате Рижский мир и реаннексия диссидентов.

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распри первоначальная, так сказать, органическая несправедливость совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской империи такая же несправедливость, как волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент — два десятилетия (1772—1794) — восстановления нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой — с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других конкретных случаев — например, при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска, через Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан — справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 г. — Йену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распри принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 г. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое).

И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим

Иоганн Готтлиб Фихте.

Гравюра по портрету Фридриха Бури. 1820 г.

теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому, и уже в 1813 г. Фихте¹ может держать «Речь к германской нации», чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 г. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина, совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 гг. — войнам, где справедливость, бесспорно, была на стороне Франции (подделка Бисмарком Эмской депеши в 1870 г.² и ложь о бомбардировке Нюрнберга французскими летчиками в 1914 г.).

¹ Иоганн Готтлиб Фихте (1762—1814) — немецкий философ, один из представителей немецкого идеализма; речь «К немецкому народу» была произнесена им в Кенигсберге в 1807 г. во время оккупации германских государств войсками Наполеона.

² Несмотря на действительно имевший место факт подделки Бисмарком Эмской депеши, действия Франции накануне войны 1870—1871 гг. также вряд ли можно назвать «благородными», в частности, французские требования к королю Пруссии с точки зрения дипломатии имели явно провокационный характер. Именно поэтому Франко-прусская война, по мнению большинства историков, явно не была из тех, где «справедливость, бесспорно, была на стороне Франции».

*Вильгельм Бах. Портрет генерал-майора
Карла Филиппа Готтлиба фон Клаузевица.
1820 г.*

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным, почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации — для Клаузевица и его последователей, как класса — для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами — правда, довольно опасно — в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица, как и вытекающий из него «ленинизм», мы должны целиком отвер-

гнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни русской исторической традиции, ни русской воинской этике, ни просто здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть — а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное — и просто человеческое — достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земле мир, в человеках благоволение». И с этим идеалом, к которому должна эта политика стремиться, несовместимы ни закованные в цепи народы-илоты¹ по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище по Ленину.

Глава III ВОЙНА И МИР

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию, так и материальному благосостоянию. Война для него — явление того же порядка, как болезнь человеческого организма.

Война — явление, таким образом, патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию, тогда как государственный организм, наоборот, идет на риск «военного заболевания» сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный Древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. В эпоху Крестовых

¹ *Илоты* — в древней Спарте земледельцы, находящиеся в промежуточном положении между крепостными и рабами.

походов Запад заимствовал у Востока его науки и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI веков итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина — Италия.

Вообще же, если войну саму по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914—1918 гг. — бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 г. может сравниться разве лишь «черная смерть» XIV века и, в более слабой степени, нашествие монголов.

Но русская революция — не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она — дочь XIX века и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны — это «фашизм» и родственные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 г. и их последователи — материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного духовного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь недаром.

* * *

Со всем этим, война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло, на эту болезнь, следует лишь в положениях безвыходных — когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией (состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства). Существует две школы дипломатии.

Старая, или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, для этого родившимся. Само происхождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четы-

рех-пяти столицах, следовательно, изучал наделе четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных, т. е. практически большую часть своих иностранных коллег, гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914—1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой — ярмарочной.

Делами вместо профессионалов стали заправлять любители, вместо сведущих людей — люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться.

Она перенесла в международные отношения «внутриполитический дух» — атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами — людьми ничем не связанными — политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутриполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатироваться — с большей или меньшей некомпетентностью — вопросы первостепенной важности.

Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения, пока не удастся успокоить не вовремя расхороненную провинциальную масонскую ложу, либо парламентскую фракцию — песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, а то и исключительно с точки зрения внутренней политики, т. е. партийных интересов, и личный успех в парламенте или в избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам — толпе и жокакам толпы — не по плечу тонкая ювелирная работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы — толпы, сатанеющей от крови гладиаторов на ристалище, — и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше ком-

петентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов.

Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век Лиге наций. Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в провоцировании войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответствующих правительств), приходится три войны, которых кабинетная дипломатия не смогла предотвратить — как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок); зато на каждый такой случай приходится по крайней мере десять войн, не состоявшихся благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы вмешательству профессиональной дипломатии.

Глава IV О РАЗОРУЖЕНИИ

В Средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи холерных бунтов чернь избивала лекарей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» XX века — так называемые пацифисты, а также руководящая (и в то же время руководимая) этой чернью ярмарочная дипломатия видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличие вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, пушечные короли, ждущие барышей, вовлекают страну в военную авантюру попустительством «вырождающихся династий» и «секретной» (притом еще титулованной) дипломатии.

Таков убогий трафарет демократическо-пацифистского мышления. Эта точка зрения оратора, митингующего с бочки перед толпой невежественной черни, сделалась официальной доктриной «передовых демократий» 20-х и 30-х гг. XX столетия — эпохи демократического маршма. Бесспорно, с той же точки зрения следует

избить врачей и закрыть аптеки, чтобы избежать болезней, распустить пожарные команды, чтобы не иметь пожаров, упразднить семафоры и стрелочников, чтобы избежать железнодорожных крушений.

Само разоружение проповедуется в двух плоскостях. Замена постоянных армий народным ополчением, «воинственных профессионалов», якобы миролюбивой милицией. Одновременно с этим предусматривается отказ от ряда технических средств и преимуществ — боевой авиации или некоторых ее видов, газов, тяжелой артиллерии, чем думают сделать войны «менее кровопролитными».

Миф «миролюбивой милиции», бывший навязчивой идеей еще Жореса¹, стар и затаскан, как и вся идеология 1789 и 1848 гг. Самая антидемократическая из всех наук — история (наука, которую демократия ненавидит, и недаром: это ее смерть) учит нас совсем иному. Стоит лишь вспомнить народные ополчения древности — кимвров, тевтонов, гуннов, монголов. В Новые времена миролюбивая народная милиция упивается кровью протестантов либо католиков (смотря по ее вероисповеданию). В новейшие вооружившиеся граждане Республики «объявили мир миру», насаживая по всей Европе «либерте, эгалите» штыками и картечью, раздвинув границы Франции до Рейна и благодетельствовав народы Голландии, Швейцарии, Италии соответственно Батавской, Трансальпийской, Цизальпинской, Партенопейской республиками с гильотинами на каждой ее площади.

Столь же неубедительна, хоть и менее затаскана (ибо относится не к 1789, а к 1919 г.) аргументация сторонников ограничения вооружений посредством «изъятия из обращения» ряда боевых средств, уже успевших зарекомендовать себя на полях сражений.

Запрещаются удушливые газы. Но не запрещается химия как наука, не запрещаются химические лаборатории, физические кабинеты, фабрики искусственных удобрений и красок, наконец, просто аптеки. Запретить их нельзя, а между тем все эти учреждения в кратчайший срок могут быть приспособлены к выделке удушливых газов. Запрещается военная авиация, но

¹ Жан Жорес (1859—1914) — французский философ, историк, деятель международного социалистического движения, борец против колониализма и милитаризма. 31 июля 1914 г., накануне объявления войны и начала мобилизации, был застрелен французским националистом; Жана Жореса называли первой жертвой еще не начавшейся войны.

не запрещается гражданская, ибо запретить ее нельзя, а между тем менее чем за 24 часа все почтовые и спортивные самолеты можно превратить в бомбардировщики и истребители. Запрещаются танки, но не запрещается автомобильное и тракторное производство. Запрещается тяжелая артиллерия, но не запрещается металлургическая промышленность.

Все это разоружение, будь оно добровольным, полудобровольным или принудительным, имеет величайшее сходство с законами о принудительной трезвости, столь печально зарекомендовавшими себя у нас в России и в Соединенных Штатах. Там запрещается военная химия, но не запрещается химическая промышленность, здесь запрещается водка, но не запрещается самогон (ибо этого никто не в силах запретить) и не запрещаются деньги, за которые можно приобрести какое угодно, более или менее поддельное, вино. Обе эти идеологии — разоружение и сухой режим — в своей основе имеют полное пренебрежение человеческой природой и человеческой психологией и, будучи поэтому нежизненными, обречены на провал.

* * *

Технические средства, как это не покажется на первый взгляд странным, сами по себе отнюдь не увеличивают кровопролития. С кровопролитностью Бородинского побоища, веденного кремневыми ружьями, не сравнится ни одна операция Великой войны (под Бородино 100 тысяч человек пало с обеих сторон за каких-нибудь 8 часов, под Верденом — 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось прежде всего в затяжном характере, тягучести операций — большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности.

Кровопролитность боя — результат не столько техники, сколько плохой тактики, самого темпа, ритма операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 г., веденную в условиях сравнительно примитивной техники, французская армия теряла в среднем 60 000 убитыми и умершими от ран в месяц — расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 г., в условиях неслыханного насыщения фронта смертоносной техникой, потери убитыми не только не увеличились (как то, каза-

лось, можно было подумать), а наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20 000 человек в месяц.

Техника, таким образом, имеет тенденцию не увеличивать, а, наоборот, сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем бесспорно «подлом» естестве, дают в общем на 100 поражаемых лишь 2 смертных случая, тогда как так называемая «гуманная» остроконечная пуля дает 25 % смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории технического разоружения. Урезая технику путем разоружения, мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько (хоть и не намного) обоснованнее — теоретически — система «морального разоружения», бывшая излюбленным коньком женевских снобов конца 20-х и начала 30-х гг. XX столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо, прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов — политическую деятельность. А для того, чтобы запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую, — непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь развитие духовное, затем интеллектуальное, и, наконец, материальное и физическое.

Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности (явления совершенно того же логического порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости), обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобными мероприятиями, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме, исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, — жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованная от болезней, — это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни — войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войной, мы не станем заражать его пацифистскими идеалами. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам не надо ослаблять его, в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, а наоборот,

Отто Эдуард Леопольд,
фюрст фон Бисмарк-Шёнхаузен,
герцог цу Лауэнбург.
Фотография. 1890 г.

сколь можно больше укреплять его. Укреплени-ем нашего государственного организма соответствующим режимом (внешним и внутренним) и профилактикой мы повысим его сопротивляемость как пацифистским утопиям вовне, так и марксистским лжеучениям изнутри — стало быть, уменьшим риск войны, как внешней, так и гражданской.

Нападают лишь на слабых, на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно своей силы и производящих со стороны впечатление слабых.

В 1888 г. произошел знаменитый «инцидент Шнебеле», едва было не вызвавший франко-германской войны. В последнюю минуту Бисмарк не решился: французская армия только что была перевооружена магазинной винтовкой Лебеля¹, тогда как германская имела еще однозарядки. Жившая в 1880-х гг. еще мечтой о реванше Фран-

ция была сильной — и казалась сильной (дело Дрейфуса, надолго отравившее ее организм, произошло значительно позже). На востоке же грозила могучая Россия царя-миротворца. Авантюра была отложена.

В апреле 1887 г. французский пограничный чиновник, эльзасец по происхождению Гийом (Вильгельм) Шнебеле был приглашен немецким полицейским комиссаром для переговоров, но сразу после пересечения границы был арестован германскими властями. После этого и так напряженные франко-немецкие отношения грозили перерасти в войну, «проводниками» которой были, с одной стороны, некоторые французские чиновники во главе с военным министром Жоржем Буланже, выступавшим с откровенно реваншистскими речами, а с другой — милитаристские круги в Германии, желавшие начать «превентивную» войну с Францией.

Однако большая часть французского правительства не была настроена на войну, что вкупе с вмешательством кайзера Вильгельма I и позицией России привело к дипломатическому решению конфликта. Французские власти признали участие Шнебеле в разведывательной деятельности, после чего по личному указанию Вильгельма I через 10 дней после ареста он был освобожден.

Другой пример — 1904 г. Маркиз Ито проявил большую решимость, чем Бисмарк в свое время. Но рисковали бы японцы напасть на нас, если бы эскадра в Порт-Артуре была снабжена доками, если бы на Ялу вместо бригады Кашталинского стояло три-четыре корпуса, если бы Маньчжурия была соединена с Россией не однокорейным (притом незаконченным), а четырехкорейным непрерывным рельсовым путем? И если бы японцы знали, что русская государственность не усыплена гаагским дурманом, а общественность, вместо посылки приветственных телеграмм микадо, будет защищать интересы своей страны?

1914 г. Германия провоцирует войну, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 г. — армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 г. Одновременно война объявляется и Франции: робость и недомыслие ее правителей (приказ Вивиани отступить на 10 км от границы в доказательство миролюбия) показали Германии доказательством слабости всей страны, всей

¹ *Винтовка Лебеля* — французская магазинная винтовка образца 1886 г., ставшая первым в мире принятым на вооружение образцом нарезного оружия под патрон с бездымным порохом.

армии. Типичный пример нападения на сильного, потому что он со стороны кажется слабым.

Изучение всех войн, всех конфликтов, как прежних времен, так и современных, убеждает нас в справедливости положения, проводившегося Ермоловым на Кавказе, сто лет спустя сформулированного в Марокко Лиоте: «Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения». Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики.

Вообще же следует помнить, что «идеологи» обошлись человечеству дороже завоевателей — и последователями утопий Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана.

Глава V ПРИРОДА ВОЕННОГО ДЕЛА. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ВОЕННАЯ НАУКА

Является ли военное дело достоянием науки или искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо все время иметь в виду двойственную природу военного дела.

Военное дело складывается из двух элементов. Элемента рационального — соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации. Элемента иррационального, духовного, несоизмеримого — того, что Наполеон называл *la partie sublime de l'art*¹.

Рациональная, вещественная часть военного дела — достояние военной науки. Иррациональная, духовная — достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек; смотреть и видеть духовными очами дано не всякому. Искусство дается Богом; наука дается человеку его трудами. Изваять Зевса может лишь Фидий; изготовить анатомический чертёж человеческого тела может любой студент-медик.

Искусство — удел немногих избранных, как правило, выше науки — удела многих. При этом следует оговориться, что в своих высших проявлениях наука имеет отпечаток гения — свою *partie sublime*. Менделеев или Пастер могут считаться украшением человечества в той же степени, как Достоевский и Гёте.

Подобно благородному металлу, искусство не может применяться в чистом своем виде. В него, подобно лигатуре, всегда должна входить известная доля науки.

Композитора осенило вдохновение. В его душе зазвучали незримые струны. Это — момент чистого искусства, так сказать, абсолютное искусство. Он хватает перо и нотную бумагу, перекладывает свое вдохновение (рискующее иначе быть потерянным для него и для людей). И с этой минуты к чистому искусству примешивается лигатура науки: надо знать ноты, такты, контрапункты, уметь распределить партитуры; равным образом и поэт обязан знать грамматику, а ваятель — анатомию человека и животных, свойства гипса, бронзы, мрамора.

Аналогия с военным искусством полная. Генеральнейший план рискует здесь оказаться химерой, коль скоро он не сообразуется с реальностью. Величайший из полководцев не смеет безнаказанно пренебрегать элементами военной науки, хоть он сам в свою очередь совершенствует эту науку и сообразуется с ее принципами, зачастую инстинктивно.

Чем выше процент благородного металла в сплаве — тем драгоценнее этот сплав. Чем больше наблюдается в полководце преобладания иррационального элемента искусства над рациональным элементом науки — тем выше его полководчество. Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях — дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II — гений, сильно засоренный рутинной и «методикой» — золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке Старшего — таланта, а не гения — уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника — лигатура, олово.

* * *

Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства. Первое место — искусству, науке только второе.

Бывают случаи, когда науке приходится затенять искусство — играть роль как бы его суррогата (роль «накладного золота», если развивать дальше нашу метафору). Случаи эти соответствуют критическим периодам военного искусства, упадку его — эпохам, когда это искусство — дух — отлетает от отживающих, но еще существующих форм и ищет, но пока еще не находит новых путей. Так было во второй половине XVII века на Западе, когда вербовочные армии искали спасения в рутине линейных боевых порядков и софизмах «пятипереходной системы».

¹ Величественная часть искусства (*фр.*).

Маршал Франции Фердинанд Фош.
Фотография. 1921 г.

Новые пути были найдены французской — так называемой «великой» — революцией, давшей вооруженный народ, и военное искусство возродилось в революционные и наполеоновские войны. Так было и в войну 1914—1918 гг. — войну, видевшую кульминационный пункт, но зато и вырождение вооруженных народов — «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — малой армией профессионалов (княжеской дружины). Эта старорусская система, применяемая в последний раз в 1812 г. (Кутузов и Ростопчин), именуется иностранцами — которым это простительно — и русскими невеждами — которым это непростительно — как система генерала фон Зеекта.

На этот случай «сумерек военного искусства» — случай, который Фош характеризует «невольным отсутствием достаточного военного гения», и припасен научный коллектив, наиболее совершенным образчиком которого был Большой Генеральный штаб германской армии.

На этот научный коллектив, существовавший во всех армиях, и на отдельных более выдающихся

его представителей и пало бремя полководчества Мировой войны — войны, сочетавшей огромный процент научной лигатуры с очень небольшим количеством искусства. Отсюда и «серый» характер полководчества 1914—1918 гг. за немногими исключениями, как, например, все творчество генерала Юденича на Кавказском фронте, бои французского Скобелева — генерала Манжена, некоторые операции армии Гинденбурга на Восточном фронте и несколько других ярких примеров.

Искусства немного — и оно целиком сосредоточено на творчестве нескольких вождей. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени, Фоша и Манжена (знаменитый «полководческий четырехугольник») оказалось выше творчества Мольтке Младшего, фон Клука, Фалькенгайна и Людендорфа — подобно тому, как Гинденбург, Людендорф, Фалькенгайн и Макензен оказались выше великого князя, Жилинского, Рузского, Иванова.

Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход — несмотря на то, что немецкий коллектив по своему качеству, своему научному базису, отделке и разработке доктрины, одним словом, по постановке своей рациональной части значительно превосходил коллектив французский. Личность, как всегда, оказалась решающим фактором. Военное искусство — достояние личности — хоть и было у французов (по причинам, от самих вождей во многом независимым) не очень высокого качества, но все-таки оказалось выше рациональной научности — достояния коллектива.

Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Вообще же — и это особенно сказывается в случае «суррогата» (попытка наукой возместить недостаток искусства) — она дает тяжеловесные результаты в сфере полководчества. Чисто научное полководчество — без или с очень слабым элементом искусства — можно сравнить с вычислением окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее производить вычисления с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю «иррациональность» круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства — сравняться с последней ей не дано, так как незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться; Сальери «алгеброй гармонию проверил», а с Моцартом все-таки не сравнился.

Проблема превосходства искусства над наукой — такого же порядка, как проблема пре-

восходства духовных начал над рационалистическими, личности над массой, духа над материей.

Военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа. Мы различаем русскую, французскую, итальянскую, фламандскую и другие школы живописи. Мы сразу же распознаем чарующие звуки русской музыки от музыки иностранной. В военной области то же самое. «Науку побеждать» мог создать только русский гений; «О войне» мог написать только немец.

Из всех искусств два — военное и литературное — являются чутким барометром национального самосознания. На повышение и понижение этого самосознания они реагируют в одинаковой степени, но по-разному. Военное искусство как органически связанное с национальным самосознанием повышается и понижается вместе с ним. Литературное, более независимое от национального сознания (вернее, не столь органически с ним связанное), реагирует иначе. Оно отражает эти колебания в своем зеркале. Качество остается приблизительно тем же — перерождается лишь «материя». Ломоносов, Пушкин, Чехов — три имени, первый из них отражает зарю, второй — полдень, третий — сумерки петровской империи.

Любопытно проследить этот «барометр». Военное дело — синтез «действия» нации, литература — синтез ее «слова». Гению Румянцева соответствует гений Ломоносова. Суворову — орлом воспаривший Державин. Поколению героев 1812 г., красивому поколению Багратиона и Дениса Давыдова — «певец в стане русских воинов» Жуковский. Младшие представители этого поколения — Пушкин и Лермонтов. Эпоха царя-освободителя дает нам корифеев русского самосознания — Достоевского, Аксакова и Скобелева. Затем идет упадок — и в сумерках закатывающегося девятнадцатого, в мутной заре занимающегося двадцатого века смутно обрисовываются фигуры Куропаткина и Чехова...

* * *

Искусство, таким образом, национально. Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, букетом, квинтэссенцией — все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального, «междупланетного» искусства не существует.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Если народы сильно разнятся друг от друга своим духом (а стало быть, и порождением духа — искусством), то в интеллектуальном отношении разница между народами — между мыслящим отбором, элитами этих народов — гораздо меньше, нежели в духовном, следовательно, точек соприкосновения, общности здесь гораздо больше.

Математика, физика, химия, медицина — науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково формулируют теорему Пифагора.

Науки социальные — эмпирическая часть философии, история, социология, право — наоборот, национальны и субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 г. Более того, трактовка этих наук зависит не только от национальности их представителей, но и от политического, субъективного мировоззрения их. Приняв советский метод «исторического материализма» и «классового подхода», можно, например, пугачевского «енерала» Хлопушу Рваные Ноздри сделать центральной фигурой русской истории, посвятить ему двести страниц, а Юрику, Грозному и Петру I — отвести полстраницы.

Военная наука относится к категории социальных наук. Она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что, по нашему скромному мнению, совершенно ошибочно. Военная наука является сама в себе социологией, заключая в себе весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это — патологическая социология.

Нормальное состояние человечества — мир. Социология исследует явления этого нормального состояния. Война представляет собой явление болезненное, патологическое. Природа больного организма, его свойства, его функции уже не те, что здорового. Применять к ним одну и ту же мерку невозможно.

Поэтому военная наука — это социология на военном положении. Или (считая войну явлением патологическим) — социология патологическая. Военный организм представляет аналогию с национальным организмом. Война — та же политика. Армия — та же нация.

Часть вторая.

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ ВОЙНЫ

Глава VI ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ

Политика — это руководство нацией, управление государством. Стратегия — это руководство вооруженной частью нации, управление той эманацией государства, что называется армией.

Политика — целое, стратегия — часть. Стратегия творит в области, отчеркнутой ей политикой. Это — политика войны, тогда как сама война — элемент политики государства. Откуда явствует, что стратегия есть один из элементов политики — и, безусловно, один из капитальных ее элементов.

Задача политики — подготовить работу стратегии, поставить стратегию в наиболее выгодные условия в начале войны и как можно лучше пожать плоды стратегии после войны.

Дипломатия и стратегия — это две руки политики. И тут необходимо, чтобы правая рука все время знала, что делает левая, и наоборот. Раньше, чем предпринять какой-либо ответственный шаг государственного, тем более международного значения, политик должен оглянуться на стратега и спросить его: «Я собираюсь сделать то-то. Достаточно ли мы для этого сильны?» Если стратег ответит утвердительно, то политик сможет высоко поднять национальное знамя и смело выйти на международное ристалище. Но если стратег ответит отрицательно, — то политику ничего не останется, как свернуть знамя, бить отбой, сбавить тон, пожертвовав подчас самолюбием во избежание худшего из несчастий. В этом случае долг стратега заранее предупредить политика, не дожидаясь его вопроса.

Когда зимой 1909 г. Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины, Эренталь¹ предварительно запросил Конрада². И, получив ответ, что русская армия дезорганизована Японской войной, а собственная достаточно сильна, чтобы в союзе с германской справиться с ней, дерзнул на этот решительный шаг. Извольский³ в свою очередь обратился к генералу Редигеру⁴ с вопросом, в состоянии ли мы на это реагировать, в состоянии ли Россия защитить свое достоинство великой державы? И получил честный, прямотдушный, неприукрашенный ответ... Ценой жестокого унижения Россия была спасена от катастрофы.

¹ *Алоиз фон Эренталь* (1854—1912) — австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1906—1912 гг.

² *Франц Ксавьер Иосиф Конрад фон Хётцендорф* (1852—1925) — австрийский военачальник, генерал-фельдмаршал, начальник Генерального штаба австро-венгерских войск.

³ *Александр Петрович Извольский* (1856—1919) — государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Российской империи в 1906—1910 гг.

⁴ *Александр Федорович Редигер* (1853—1920) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, военный министр Российской империи в 1905—1909 гг.

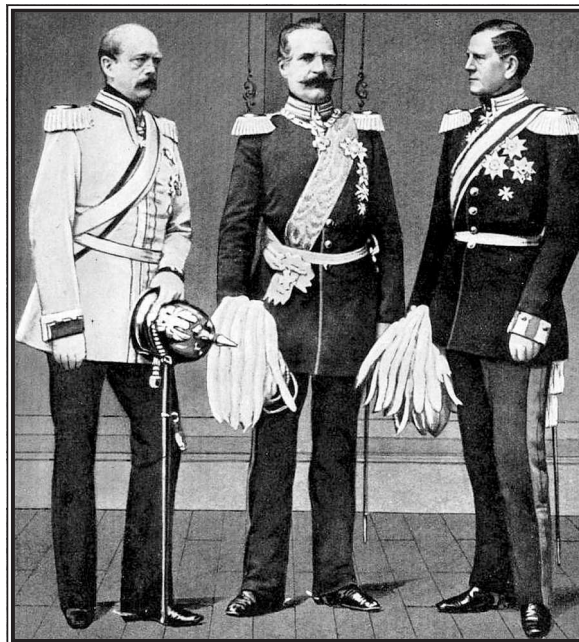
Классический случай взаимодействия политики и стратегии, когда политик обратился к стратегу, имел место в 1870 г. Франко-прусский конфликт (по поводу кандидатуры Гогенцоллерна на испанский престол) развивался всю первую половину июля. Король Вильгельм лечился на водах в Эмсе. Он был настроен миролюбиво, решив почтить на лаврах датской и австрийской кампании. Бисмарк, наоборот, видел в войне с Францией последний этап завершения единства Германии — грандиозной цели, к которой неуклонно стремилась его политика.

16 июля Бисмарк, Мольтке и Роон завтракали втроем в Эмсе, когда на имя канцлера вдруг прибыла депеша от французского посла в Берлине. Это был ответ французского правительства на прусскую ноту — ответ, составленный в очень мягких, примирительных выражениях¹. Все трое приуныли. Стало ясно, что при миролюбивом короле война отныне невозможна и объединение Германии придется отложить, если и не до греческих календ, то до очень отдаленного времени.

Бисмарк встал. Он принял решение. «Скажите, — обратился он к Роону, — снабжена ли наша армия всем необходимым?» — «Безусловно, снабжена», — ответил Роон. Канцлер перевел взгляд на Мольтке: «Ручаетесь ли вы за успешное ведение войны?» — «Ручаюсь», — ответил Мольтке.

«Тогда, — пишет Бисмарк в своих мемуарах, — я вышел в соседнюю комнату, сел за стол и переделал весь текст французской депешы, заменив ее тон и содержание, заменив примирительные выражения резкостями»². То есть подделал депешу и в этом виде понес ее королю. Король Вильгельм, возмущенный «наглостью» Франции, ответил резким отказом на французские предложения, и Наполеон III объявил ему войну.

Этот классический случай, известный истории под названием Эмской депешы, показывает нам политика, пусть беспринципного, но гениального. Политика здесь, безусловно, владеет стратегией. Но этот же случай выявляет нам и стратега, умеющего брать на себя ответствен-

Отто фон Бисмарк, Альбрехт фон Роон и Гельмут фон Мольтке.

Фотография. 1870 г.

ность, как бы благословляющего политика на его чреватый огромными последствиями шаг. Короче, в Эмсе мы видим непревзойденный образец политики и стратегии. Какая огромная разница между «художественной» подделкой депешы и аляповатыми баснями 1914 г. о «восемидесяти переодетых французских офицерах, пытавшихся проникнуть через германскую границу» и о «бомбардировщиках Нюрнберга французскими легчиками»! Это как раз разница между Бисмарком и Бетман-Гольцвегом³, разница, которой в области стратегии соответствует разница между Мольтке Старшим и Мольтке Младшим.

В 1870 г. в Германии, тогда еще Пруссии, и политика, и стратегия — на высоте. В 1914 г. в той же стране ни политика, ни стратегия на высоте не оказались.

* * *

Бывает, однако, что один из этих двух «элементов национального действия» на высоте, другой — нет. Разнойой этот служит признаком расшатанности государственного механизма,

¹ Текст французского послания содержал провокационные требования, нарушавшие дипломатический этикет и означавшие по сути грубое вмешательство Франции во внешнюю политику Пруссии; ни о каких «мягких, примирительных выражениях» здесь не может быть и речи.

² Другие источники приводят следующую цитату из воспоминаний Бисмарка: «Я внимательно снова прочел депешу, взял в руки карандаш и смело зачеркнул все то место, где было сказано, что Бенедетти [французский посланник] просил о новой аудиенции; от депешы я оставил только голову и хвост».

³ Теобальд Теодор Фридрих Альфред фон Бетман-Гольвег (1856—1921) — германский государственный и политический деятель, рейхсканцлер Германской империи в 1909—1917 гг.

утраты согласованности движений его частей. Он указывает на расстройство организма, где правая рука утрачивает чувство солидарности с левой.

Особенный разительный пример несоответствия политики со стратегией являет нам Наполеон. Величайший полководец истории явился в то же время совершенно несостоятельным политиком. Он пренебрег мудрой традицией Ришелье и королевской Франции. Упразднением мелких немецких княжеств он способствовал образованию единой германской нации. Кацбах и Лейпциг были результатами этой близорукой политики. Во внешней своей политике Наполеон добился соединения против себя всех тех, кого он должен был держать разъединенными.

Внутренняя его политика столь же катастрофична. Его гражданское законодательство, составленное в анархическо-индивидуалистическом духе утопий Руссо, с сохранением якобинской централизации управления, разрушило семейные устои Франции. Те сотни тысяч французов, которых Наполеон погубил в своих красивых, но в конечном итоге бесполезных сражениях, ничего в сравнении с миллионами и десятками миллионов французов, которым он своим законодательством запретил родиться.

Упадочный период нашей старой государственности можно вообще резюмировать как несогласованность политики и стратегии.

В 1877 г. наша политика на высоте (чему способствует личное влияние царя-освободителя и патриотизм общества). Она имеет мужество принять «великодержавное» решение вопреки Европе и объявить Турции войну. Зато стратегия плачевна.

В 1878 г. стратегия выправилась. Русская армия у стен Царьграда. Но тут капитулирует политика.

В 1905 г. — полный разнобой. Политика игнорирует стратегию. Нельзя было сознательно идти на риск конфликта с Японией, не позаботившись закончить Сибирский путь. Нельзя было преследовать грандиозные цели на Дальнем Востоке, опираясь всего на два или три батальона сибирских стрелков. Нельзя было брать лесные концессии на Ялу, не позаботившись устройством доков в Порт-Артуре. Нельзя было делать второй шаг, не сделав первого. Стратегия, впрочем, тоже совершенно не на высоте и дает себя застать врасплох. Витте и Куропаткин стоят друг друга.

Русская стратегия Великой войны, при всей своей посредственности, не была так уж плоха, как то может показаться по ее результатам. Но

она была связана по рукам и по ногам плачевнейшей политикой. Россия беспрекословно подчинялась самым абсурдным требованиям своих союзников, приносила безоговорочно насущные свои интересы в жертву их самым мелочным, меркантильным расчетам (под фирмой «общесоюзного дела»). Мы играли жалкую роль. По первому приказанию союзников мы бросались для них в огонь. Мы сразу пошли у них на буксире, подпали под их полное и абсолютное влияние, закрепостили себя ужасным Лондонским протоколом.

Эта унижительная подчиненность сказывалась и на мелочах. Русские генералы странствовали за полярный круг, чтобы попасть на междусоюзные конференции в Шантильи, и никому в голову не пришла мысль устроить таковые в Барановичах либо в Могилеве (что имело бы важное значение и в том отношении, что Россия была бы здесь представлена первоурядными величинами, и ее удельный вес сразу повысился бы). Мелочь эта вообще характерна для нашего неумения соблюдать достоинство России в переговорах с иностранцами. Наша история полна парижских, лондонских, венских, берлинских конференций. Но нет ни одного «Петербургского мира» либо «Московского договора». Даже после удачной войны мы шли извиняться за свои победы в заграничные столицы вместо того, чтобы предложить заинтересованным иностранцам явиться к нам.

Мы никогда не умели разговаривать с иностранцами — и в Великую войну не сумели поставить себя на подобающее место и не сумели использовать наше, в сущности очень выгодное, политическое положение. Союзники в нас чрезвычайно нуждались, особенно в первые два года войны. Нашу помощь нам надо было продавать совершенно так же, как они нам продавали свою.

Прекрасный пример нам дала Италия своим упорным и беззастенчивым торгом перед вступлением в войну. Италия сразу же показала своим будущим союзникам, что «возить на себе воду» она не позволит. И благодаря этому политическому чутью и этой политической воле удельный великодержавный вес Италии на междусоюзных конференциях сразу же стал более высоким, нежели удельный вес России, несмотря на гораздо более скромный размер «лепты на общесоюзное дело».

Не будем говорить про довоенную французскую цензуру плана нашего стратегического развертывания. Французы определили как численность сил нашего Северо-Западного фронта, так

и сроки его готовности. Упомянем только про одну из слишком многочисленных наших моральных капитуляций — Нарочское наступление в марте 1916 г. Предпринято оно было по настоянию союзников армии нашего Западного фронта с целью облегчить Верден.

Двести тысяч русских офицеров и солдат окровавленными лоскутками повисли на германской проволоке (одна 2-я армия лишилась 140 000 убитыми и ранеными), но сберегли кровь тысячам французов. К апрелю 1916 г. за Верден легло в полтора раза больше русских, чем французов.

Неудача этого предпринятого в мартовскую распутицу наступления до того морально повлияла на генерала Эверта, что он потом (уже летом) категорически отказался перейти в наступление вторично — и победоносные, но малочисленные армии Юго-Западного фронта, не поддержанные, захлебнулись в своей победе, а кампания 1916 г. оказалась безрезультатной.

Вот к каким жестоким последствиям в стратегии приводит слабая политика, бесхарактерность, неспособность твердо и властно огородить свои права, сказать «нет» (объяснив, почему именно «нет»). Мы не в силах были что-либо отказать нашим союзникам, даже когда они требовали, чтоб мы им вырывали из нашего же живого тела куски мяса. А двенадцать лет спустя маршал Петен в своей книге «Верден» ни словом не упоминает о тех двухстах тысячах русских, которые отдали свою жизнь и кровь тогда при Нароче.

Из русских деятелей Великой войны политическим чутьем и сознанием государственности были наделены лишь генерал Гурко — поборник равноправия России с союзниками, и командовавший в 1914 г. Черноморским флотом адмирал Эбергард.

Немедленно же по прибытии «Гёбена» в Золотой Рог адмирал Эбергард осознал, что эти корабли вовлекут Турцию в войну с Россией (последствиям чего должно было явиться закрытие проливов и полная изоляция России от остального мира). Он предложил атаковать «Гёбен» в турецких водах своими пятью старыми, но отлично стрелявшими кораблями, и этим предупредительным мероприятием — политической мерой пресечения — удержать Турцию от вступления в войну. Блистательная Порта и младотурки были бы раздосадованы, а англичане опечалились бы этим самоуправством. Но России не пришлось бы умирать от удушья. Сазонов запретил эту спасительную операцию. В 1878 г.

русская дипломатия боялась английских броненосцев, в 1914 г. она боится своих собственных!

* * *

Несостоятельность политиков сказалась и в Гражданскую войну.

Весь трагизм русского дела заключался в том, что красные — антигосударственники по существу — оказались государственниками по методу, тогда как белые — по существу государственники — оказались по методу анархистами. Анархичность Белого движения стала причиной его гибели.

Эта анархичность в первый год борьбы за спасение России была особенностью обеих сторон. Кубанские походы велись под знаком импровизации и красными, и белыми. Только красные поспешили как можно скорее отказаться от импровизации и вступить на путь организации. Белые же, наоборот, импровизацию возвели в систему. Подвиги обоих Кубанских походов придавали этой импровизации героический оттенок. Романтика взяла верх над политикой, добровольчество над регулярством, импровизация над государственностью.

Вот причина катастрофического исхода второго года войны, причина, погубившая Московский поход. Отсутствие политики, ее игнорирование, выразилось в неустройстве занятых местностей, неиспользовании их человеческих ресурсов (при населении в 60 миллионов — на фронте всего 22 тысячи штыков). Не были использованы огромные офицерские кадры (до 70 000 офицеров на территории Вооруженных сил Юга России), упущено создание регулярной силы, воссоздание государственности. Многие ошибки генерала Деникина были затем исправлены в Крыму генералом Врангелем. Однако пословица «лучше поздно, чем никогда» в политике неприменима.

Анархизм в Крымский период сказался в отсутствии внешней политики. Северная Таврия обращена была в «Восточную Пруссию» для спасения Польши.

Пилсудский был таким же врагом России, как Ленин. И то обстоятельство, что Польша ввязалась в борьбу с РСФСР, было чрезвычайно благоприятным для Вооруженных сил Юга, получивших передышку после зимнего разгрома и новороссийской катастрофы.

В интересах освободительной белой борьбы было извлечь как можно более выгоды из Польско-советской войны.

Генерал-лейтенант
Николай Эмильевич Бредов.
Фотография. 1907 г.

Николай Эмильевич Бредов (1873 — после 1944) — военачальник, генерал-лейтенант, участник Русско-японской, Первой мировой войн и Гражданской войны на стороне Белого движения. В начале 1920 г. возглавил так называемый Бредовский поход — отступление белогвардейских частей и беженцев от Одессы в Польшу. 12 февраля 1920 г. после тяжелого похода они вышли к местечку Новая Ушица, где соединились с польской армией. Около месяца части Бредова занимали самостоятельный участок фронта против Красной армии, а через месяц были разоружены, отправлены в Польшу и размещены в бывших немецких лагерях для военнопленных. В августе того же года генерал Бредов и часть его подчиненных вернулись в Крым и присоединились к армии генерала Врангеля.

После поражения Белого движения Н. Э. Бредов жил с семьей в Болгарии. В октябре 1944 г. он был арестован НКВД и передан югославской контрразведке. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Разгром Польши был чрезвычайно выгодным. Во-первых, побеждался один из врагов русской государственности. Во-вторых, разгром Польши и выход большевиков на границы Центральной Европы (потрясенной войной и представлявшей собой необозримый склад горючего материала) всполюшил бы Францию, ибо вся ее версальская постройка оказалась бы под ударом. Врангель

в Крыму был бы единственным спасителем положения и смог бы диктовать свои условия французскому правительству.

Поражение Польши повышало удельный вес Русской армии в Крыму. Победа Речи Посполитой, наоборот, делала «русских белых» лишними.

Этого как раз не понял генерал Врангель. Он стремился оказать помощь Польше, исходя из ошибочного — романтического, а не политического расчета: «*Всякий, кто борется против большевиков — наш союзник*».

Задачей настоящего политика (имевшего бы не только огненную душу, но и холодную голову) было не мешать красному врагу русской государственности сокрушить польского врага русской государственности. Минус на минус давал плюс.

Идеальным политико-стратегическим решением был отвод победоносной армии после операции 25 мая обратно за перешейки, выкачав из Северной Таврии в Крым необходимые запасы продовольствия. Закрепившись за перешейками — устроить армию и ожидать дальнейших событий, оставаясь совершенно глухим к мольбам о помощи из Варшавы и Парижа (если слепота в политике гибельна, то глухота иногда полезна).

В Варшаву ответить, что заключением в концентрационные лагеря войск генерала Бредова Польша сама себя лишила права на помощь со стороны Русской армии. В Париж заявить, что ни одного шага для выручки Польши, а косвенно Франции, не будет сделано, пока войска не будут в избытке снабжены всем необходимым снаряжением, в первую очередь (имея в виду сильную красную конницу) достаточной боевой авиацией. Такой сильный язык был бы понятен как нельзя лучше, и все требуемое было бы доставлено беспрекословно. После этого можно было бы предпринять всеми силами (а не слабой частицей) решительный для всей освободительной войны поход на Кубань.

Ту помощь, что была тогда, в июле — августе 1920 г., оказана Польше даром, следовало не «дать», а «продать» — продать за наличные и как можно дороже. Франция находилась в положении, когда приходится платить, не торгуясь. Полная пассивность Крымского фронта с июня по август была бы несравненным орудием политического давления. Но эту исключительную политическую и дипломатическую обстановку лета 1920 г. крымское правительство (политически чрезвычайно слабое) не использовало.

Ее использовали поляки, получившие в подарок помощь, за которую при других обстоя-

тельствах должны были бы заплатить очень дорогой ценой. И перемирие поляков с красными от 30 сентября — перемирие, выдавшее большевикам с головой благородный, но неразумный белый Крым, — стало жестоким предметным уроком, который польская государственность и польская государственная политика давали антигосударственной политике Белого движения. Эта антигосударственная политика июня — августа принесла плоды в октябре. Врангель был побежден не Буденным, а Пилсудским.

Квалифицировать польскую политику «вероломной» столь же неосновательно, как жаловаться на «неблагодарность» Австрии в Восточную войну. К морали государственной нельзя подходить с той же меркой, как к морали частного лица. Эти два понятия — несоизмеримы.

Глава VII СТРАТЕГИЯ, ОПЕРАТИКА И ТАКТИКА

Стратегия есть ведение войны. Оператика — ведение сражения. Тактика — ведение боя. В стратегии компетентен Верховный главнокомандующий. В оператике компетентен командующий армией. В тактике компетентны все остальные инстанции — от командира корпуса до командира отделения и старшего в звене.

Стратегия верхним своим концом входит в политику, нижним — в оператику. Задача стратегии — направить оператику к цели, указанной политикой — путем удачных операций и сражений выиграть войну.

Оператика, опираясь верхним концом в стратегию, нижним — в тактику, имеет целью согласовать тактику со стратегией — согласованием боев во времени и пространстве, сведением их в осмысленную систему добиться выигрыша всей операции, всего сражения.

Тактика имеет своей целью удачное ведение боя — элементарного военного действия. Для удачного ведения боя тактика должна стремиться сколь можно лучше использовать оба своих составных элемента: постоянный — человека и переменный — технические средства.

Война ведется не в безвоздушном пространстве, а на местности. Географический элемент, являясь одним из главных и определяющих признаков всемогущего фактора войны — политики, безусловно, влияет на полководцев в сильной степени. Стратегия должна считаться с условия-

ми геополитическими, оператика — с условиями географическими (в первую очередь — с начертанием сети путей сообщения), тактика — с условиями топографическими.

Стратегия ориентирует политически оператику, как оператика ориентирует стратегически тактику. Коль скоро стратегия должна быть подчинена политике, оператика должна быть подчинена стратегии, тактика — оператике.

* * *

Взаимная подчиненность этих трех элементов полководчества на практике часто нарушается. Это зависит от характера самого полководчества, являющегося, в свою очередь, производной характера личности и духовного облика данного полководца.

В полководческих натурах низшего порядка, т. е. рационалистической формации, встречается тенденция пренебрегать высшими ценностями ради низших, идя по линии наименьшего сопротивления. Практически это ведет к принесению стратегии в жертву оператике. Наоборот, недостатком высшего типа полководчества интуитической формации является часто пренебрежение реальностями, что ведет за собой непродуманность оператики. В первом случае — близорукость, во втором — чрезмерная дальнорукость.

Рассмотрим для примера полководчество генерала Людендорфа весной 1918 г. и полководчество генерала Врангеля в Гражданскую войну. Первый из этих двух деятелей по свойству своей натуры рожден ползать (несмотря на бесспорные свои дарования), второй рожден летать.

Людендорф для нанесения Антанте решительного удара выбирает английский фронт в Пикардии. Этим он показывает свое пренебрежение духовным элементом — психологической оценкой своих противников. Он — позитивист и считается лишь с материальными данными. Он не принимает во внимание характера своих противников, их психологических особенностей. Иначе свой первый и самый сильный удар он нанес бы французам.

Он не принял во внимание традиционного британского эгоизма, медлительности и той национальной черты — «моя хата с краю», которая сказала на всем британском полководчестве Великой войны. В случае разгрома французской армии англичане отступили бы на свои базы и не подумали бы выручать французов, тогда как французы понеслись на выручку англичан.

Наполеон в 1815 г. отлично учел эту особенность британского характера (англичан он успел хорошо изучить в испанских походах). Он поэтому и нанес свой первый удар Блюхеру при Линьи, что был уверен в полной пассивности Веллингтона. Вся его ошибка заключалась в том, что он не добил Блюхера, тогда как Веллингтону и в голову не могло прийти облегчить положение пруссаков при Линьи и после Линьи.

Итак, стратегия Пикардийского сражения марта 1918 г. — ошибочна. Это повторение Инкермана, в огромном только масштабе. Подобно Меншикову, Людендорф атакует англичан, подобно зуавам Боске, бегом пошедшим выручать Реглана, — французские корпуса на автомобилях устремились выручать Бинга и Гофа.

Нанося свой первый удар англичанам, Людендорф думал пойти по линии наименьшего сопротивления: английская армия была низшего качества сравнительно с французской (особенно в отношении старшего командного состава). Но он пренебрег высшим, иррациональным, элементом военного дела в угоду низшему — рациональному; пренебрег соображениями стратегии (в широком, политическом смысле этого термина) в угоду соображениям оперативки. В результате — «линия наименьшего сопротивления» оказалась на деле линией наибольшего сопротивления: немцам пришлось иметь дело в Пикардии с обоими противниками, тогда как атакуй они на Шмен-де-Дам, они имели бы дело с одними французами.

Ход Пикардийского сражения раскрывает нам дальнейшие ошибки Людендорфа, окончательно решившего плыть по течению, идти по линии наименьшего сопротивления, пренебречь стратегией в угоду оперативке и просто тактике. Его 2-я и 17-я армии, решающие собственно стратегическую (оператико-стратегическую) часть всей операции, ведут тяжелые бои и продвигаются медленно. Наоборот, 18-я армия, роль которой второстепенна (оператико-тактическая), имеет бурный успех. Это побуждает Людендорфа отказаться от «слишком трудной» стратегической задачи и все свои резервы направить на развитие тактического успеха. Операция скомкана — гора родила мышь.

Перейдем к генералу Врангелю. Полководчество его во всех отношениях выше такового же генерала Людендорфа, но оно впадает в противоположную крайность.

Весной 1919 г. генерал Врангель доказывал необходимость для Вооруженных сил Юга Рос-

сии наступления в царицынском — волжском направлении, на соединение с армиями Верховного правителя¹, выходящими на Волгу. Это — мысль характера бесспорно «стратегического».

Но Врангель в данном случае совершенно не считается с оперативкой (и с относящимся к оперативке «орографическим элементом» географии). План идти на соединение с Колчаком — вне времени и пространства.

Вне времени — потому что потерпевшие на берегах Волги в конце апреля поражение войска Верховного правителя стали откатываться назад, с каждым днем все более удаляясь от Вооруженных сил Юга России. В момент сражения на Маныче они уже отходили от Бугуруслана. Царицынские штурмы совпали как раз со сдачей Уфы.

Вне пространства — потому что даже в случае удачного форсирования Волги под огнем господствовавшей волжской флотилии красных (а переправа всей армии с артиллерией и тылами явилась бы операцией совершенно иного масштаба, чем переброска нескольких сотен генерала Говорущенко) фронт пошел бы по линии Златоуст — Уфа — Царицын — Таганрог, заняв гораздо большее протяжение, чем фронт Царицын — Орел — Киев и не имея к тому же ресурсов фронта Московского похода. Опирался бы этот фронт на безлюдные (и даже безводные) степи, в стороне от каких бы то ни было населенных политических центров страны. Более того, этот пустынный фронт не имел бы ни одной рокадной железнодорожной линии. При попытке выдвижения его на линию Самаро-Златоустовской железной дороги неизбежен был разрыв между левобережной и правобережной группами, и красные от Саратова либо Вольска брали бы левую группу во фланг. Иначе, чем катастрофой, все это кончиться не могло.

Впрочем, до создания фронта Златоуст — Таганрог дело и не дошло бы. В случае совместного наступления от Маныча на Царицын обеих армий — Кавказской генерала Врангеля и Добровольческой генерала Май-Маевского² — вся эта масса вынуждена была бы довольствоваться единственной (причем однокорейной) железнодорожной линией Тихорецкая — Царицын. Конная армия Врангеля преодолела знойную

¹ То есть А. В. Колчака.

² Владимир Зенонович Май-Маевский (1867—1920) — военный деятель, генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией в мае — ноябре 1919 г.

и безводную степь в 12 переходов, но каково пришлось бы пехоте?

Затем, в случае переброски Добровольческой армии из Каменноугольного района в направлении Царицына, Донецкий бассейн и обеспечение всей наступательной операции пришлось бы поручить Донской армии. Справилась бы она (при тогдашних донских настроениях и настроенностях) со всем фронтом до Таганрога и с четырьмя советскими армиями? Что вообще произошло бы с Вооруженными силами Юга России, не будь тогда, в апреле — мае 1919 г., в Каменноугольном районе добровольцев Май-Маевского? Сбив непомерно растянутый левый фланг Донской армии, красные овладели бы к Первомайскому своему празднику Ростовом и, развивая свое наступление на Великокняжескую, зашли бы в тыл Кавказской и Добровольческой армиям, отрезав их от их баз и загнав их в калмыцкую степь. Все это могло бы иметь роковые последствия.

Людендорф смотрит «снизу вверх» — от него ускользают перспективы стратегии. Врангель смотрит «сверху вниз» — от него ускользают перспективы оператики.

Генерал Деникин, уступая генералу Врангелю во всех отношениях (кроме одного — умения читать карту), не согласился на проект командующего Кавказской армией идти всеми силами на соединение с Колчаком. Идея его Московского похода была безусловно правильной и единственно возможной.

Мы видим на этом примере влияние географии на стратегию, географических условий на полководчество — в частности, «орографических» на оператику. Вообще же в Гражданскую войну значение географического элемента (влияние геополитических условий на стратегию, орографических на оператику) сильно возрастает. Поэтому в румянцевское правило «никто не берет города, не разделившись при этом с силами, его защищающими» в этом случае надлежит сделать поправку.

Гражданская война — борьба за власть, и значение политического центра страны — «геометрического места власти», где сосредоточены все командующие страной рычаги правительственного аппарата, приобретает исключительное, первостепенное значение. В 1794 г. бретонские шуаны и вандейцы пропустили благоприятный момент для Парижского похода, что имело следствием конечную неудачу всего их движения. В 1919 г. Деникин, отдав свою «Московскую

Генерал-лейтенант
Владимир Зенонович Май-Маевский.
Фотография. 1919 г.

директиву»¹, избежал ошибки Шаретта и Ларош-жаклена. Идея Московского похода соотнобразуется с реальностями гражданской войны и с требованиями политики — этого всесильного элемента войны.

Исследуем на конкретном примере русского полководчества Великой войны взаимоотношения элементов войны — в частности, стратегии и оператики.

Рассмотрим план нашего стратегического развертывания в августе 1914 г. Российским вооруженным силам ставились две задачи: разгром австро-венгерской армии, облегчение французской армии. Первая задача, интересовавшая единственно Восточный театр войны, поручалась Юго-Западному фронту. Вторая, интересо-

¹ Директива № 08878 («Московская директива») — данное 20 июня (3 июля) 1919 г. командующим Вооруженными силами Юга России А. И. Деникиным подчиненным ему частям оперативно-стратегическое целеуказание овладеть столицей РСФСР Москвой. Результатом этой директивы стал так называемый Московский поход Деникина. К концу сентября 1919 г. инициатива была в руках белых, и казалось, что вскоре цель похода будет достигнута. Однако с середины октября наступил перелом, и к концу года деникинцы были отброшены не только от Москвы, но и с занятых ими ранее Киева, Харькова, Донбасса и др.

вавшая всю совокупность театров войны, поручалась Северо-Западному фронту.

Русское полководчество ведется в 1914 г., так сказать, в двух измерениях — политико-стратегическом (Северо-Западный фронт) и оперативно-стратегическом (Юго-Западный фронт). Сама жизнь делала русского главнокомандующего в продолжение всего первого месяца войны «общесоюзным» главнокомандующим.

Поход в Восточную Пруссию был настоятельно необходим. Облегчение Франции политически было более важно, чем разгром Австро-Венгрии, важный стратегически. Для Восточного театра войны, взятого в отдельности, как бы изолированного в безвоздушном пространстве, Юго-Западный фронт, разумеется, был главным, Северо-Западный фронт — второстепенным. Но для всей войны, совокупности ее театров, главная роль принадлежала именно Северо-Западному фронту, как наиболее ярко представлявшему всемогущий принцип войны — принцип политический.

Приступая к операции, хирург исследует предварительно не только оперируемое место организма, но и сердце. «Оперируемое место» Восточного театра войны заключалось на Юго-Западном фронте, но «сердце» билось на Северо-Западном.

Допустим, что все усилия были бы обращены исключительно на разгром Австро-Венгрии, а Северо-Западному фронту дана лишь пассивная задача и слишком малочисленные силы. Россия разбила бы Австро-Венгрию. Германия разбила бы Францию. Что произошло бы в этом случае?

В октябре русские армии Юго-Западного фронта, разбив австрийцев и преследуя их по пятам, втянулись бы в коридор между Вислой и Карпатами — в австрийскую Силезию. Вывести их из боя, отвести назад по бездорожью для современного парирования германского нашествия было бы невозможно, во всяком случае трудновыполнимо. И тридцать опьяненных победой во Франции германских корпусов обрушились бы от Торна на Варшаву и дальше на Люблин, на сообщения и тылы нашего Юго-Западного фронта, зарвавшиеся армии которого были бы, кроме того, связаны австрийцами (опыт показал нам, что невозможно сокрушить одним, двумя сражениями великую державу; Австро-Венгрия же была великой державой, а ее армия — армией великой державы). Сокрушительный удар германских армий в тыл, удар

воспрянувших австрийцев с фронта — и четыре наших армии Юго-Западного фронта были бы пойманы в мешок.

Стратегически наше развертывание 1914 г. безупречно, ибо отлично сочетается с двойной задачей русских вооруженных сил. Оперативно оно чрезвычайно неудачно, армии «нарезаны» по одному шаблону, главное операционное направление выражено как нельзя менее отчетливо: на Северо-Западном фронте оно вообще отсутствует, на Юго-Западном выражено неясно (и к тому же ошибочно). Этот вопрос будет разобран нами в своем месте, а именно при разборе ведения войны и самого главного из его принципов — глазомера.

Начиная с октября 1914 г. русскому полководчеству приходится считаться с вводной данной, совершенно изменяющей ход войны. Мы имеем в виду крупнейшее для России политическое событие Мировой войны — выступление Турции. С этого момента Россия изолировалась от остального мира и обрекалась на постепенную смерть от удушья. Вместе с тем появление Турции в стане врагов, в связи с чрезвычайно благоприятно сложившейся для России дипломатической обстановкой (Англия вынуждена быть на нашей стороне), делали возможным удовлетворение великодержавных чаяний России.

Политика и стратегия властно требовали как «хирургическую операцию» по устранению удушья, так и сообщения войне великодержавного характера. То, что было упущено в 1878 г., само давалось нам в руки в 1915 г. Турецкий фронт стал главным, великодержавным фронтом России. Австро-германский фронт сразу становился политически и стратегически второстепенным (оперативно, само собой разумеется, он продолжал оставаться главным, поглощая 95 процентов всех вооруженных сил).

Политический орган страны — ее правительство — смутно, но все-таки отдавало себе отчет в огромной важности Турецкого фронта, и в апреле 1915 г. в Одессе и Севастополе были собраны десантные войска, силой около двух корпусов, для овладения Константинополем и форсирования проливов. Все силы были прикованы борьбой за Дарданеллы — Босфор и Константинополь были почти что беззащитны. Можно было, кроме того, рассчитывать на содействие Греции, а может быть, и Болгарии.

Но стратегический орган — Ставка — не дорос до понимания великодержавного элемента в политике и политического элемента в стратегии.

Растерявшись после горлицкого разгрома, Ставка отозвала в Галицию войска, предназначенные для десанта на Царьград — для главной русской операции Великой войны. В Галиции эти два корпуса не принесли никакой пользы, будучи введены в бой (Радымно, Любачев) пачками, бессистемно — побригадно, чуть ли не побатальонно. Они лишь увеличили потери 3-й армии, и без того тяжелые. На Босфоре они могли бы решить участь всей войны — на Сане оказались лишь песчинкой, вовлеченной в водоворот всеобщего отступления. Ставка была поставлена перед дилеммой: Константинополь либо Дрышов, и она выбрала Дрышов.

Причину этого ослепления надо видеть в том, что и великий князь Николай Николаевич, и генерал Данилов, подобно генералу Людендорфу, — полководцы рационалистической формации. Это были ученики Мольтке — позитивисты, априори отрицающие значение духовного элемента и считающиеся лишь с весовыми элементами. Им и в голову не может прийти соображение, что взятие Царьграда возбudit в обществе и всей стране такой подъем духа, что временная утрата Галиции, Курляндии и Литвы пройдет совершенно незамеченной, и Россия обретет неисчерпаемые силы для успешного продолжения войны. Не видели они и политических последствий этой величайшей победы русской истории (Мольтке мог не заниматься политикой; за его плечами все время высилась исполинская фигура Бисмарка).

Возглавление армии императором Николаем Александровичем было шагом вперед в придании войне великодержавного характера. Десант для овладения Царьградом под руководством адмирала Колчака был назначен на апрель 1917 г.

Но Бог судил иначе. Все сроки были уже пропущены, удуше уже наступило. Стратегия не позволяет издеваться над собой безнаказанно, и зря загубленные на Сане пластуны мстили за себя.

* * *

Изложенные примеры в достаточной степени позволяют судить нам о взаимоотношениях и взаимной подчиненности элементов полководчества.

Политика и стратегия, оператика и тактика — суть множители полководчества. Они представляют собой известные положительные величины. При недооценке какого-нибудь из этих множителей, умалении его, превращении его

Генерал-фельдмаршал
граф Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке.
Фотография. 1850 г.

в «правильную дробь» уменьшается все произведение, умаляется все полководчество. Людендорф в 1918 г. недооценивает стратегию и, несмотря на превосходную оперативку и тактику, результаты невелики — произведение меньше отдельных сомножителей, как это всегда бывает при умножении на правильную дробь. При игнорировании одного из этих элементов сомножителей, приравнении его к нулю, все произведение обращает в нуль, каково бы ни было достоинство прочих элементов. Пример — проект генерала Врангеля идти на соединение с Колчаком, проект, где оператика приравнена к нулю.

Давая эту математическую метафору, мы считаем долгом предупредить читателя, что дается она лишь в виде пояснения взаимоотношения элементов полководчества, и ее ни в коем случае не следует понимать математически и не развивать ее, дабы не впасть в один из семи смертных военных грехов, именуемый позитивизмом.

Нет более несходных понятий, нежели математика и военное дело. Математика имеет дело с отвлеченными величинами, военное дело — с живыми людьми, их достоинствами и их недостатками. Математические величины

обладают общими свойствами и соизмеримы между собой. Военные величины такими свойствами не обладают. Политика, стратегия, тактика, будучи сомножителями одного и того же произведения, лежат в различных плоскостях и между собой несоизмеримы. Найти их «общий наибольший делитель», как и привести их к «общему знаменателю», совершенно невозможно и немислимо. В математике единица всегда равна единице — в военном деле никогда. Политическая «единица» не равна, например, оперативной «единице» и не соизмерима с ней. В «духовной единице» — и плюс материальная единица и еще что-то, чего тремя измерениями Евклида постигнуть нельзя.

Поэтому дополним математическую метафору пояснением, что стратегический элемент всегда сильнее тактического (как политический сильнее стратегического). Хорошая стратегия всегда исправит посредственную тактику, тогда как искусство и героизм ротных командиров никогда не выправят промахов главнокомандующего.

И мы закончим эту главу приведением древней пословицы: «Лучше стадо ослов, предводимое львом, чем стая львов, предводимая ослом». Пословица эта вечно останется справедливой, и справедливость ее не раз уже, со смерти последних екатерининских орлов, пришлось испытать на себе львиной стае, именуемой Русской армией.

Глава VIII ТАКТИКА И ТЕХНИКА

Исследуем взаимоотношение тактики и техники. Величайшему военному гению свойственны общечеловеческие заблуждения, и Наполеон как-то обмолвился неудачной фразой: «Новая техника, новая тактика», неправильно сформулировав основной закон эволюции военного искусства. Из этой неправильной формулировки поверхностный ум склонен сделать заключение о подчинении тактики технике.

Наполеон был гений. Как гений, он чувствовал превосходство духа над материей (откуда его изречения, что «война на три четверти зависит от моральных факторов» и о «неимоверной силе духа, необходимой полководцу» и др.). Однако ум его — математический, т. е. материалистической формации. Изречение его о технике и тактике, как некоторые иные, носит след этой материалистической формации. Это надо иметь в виду.

Сделав эту оговорку, проследим влияние друг на друга тактики и технических факторов. Оба они, тесно сплетаясь, образуют ряд звеньев одной и той же цепи. Звенья эти, тактические и технические, входят одно за другое. Посмотрев в корень, добравшись до первого звена этой цепи мы увидим, что это первое звено — тактическое. Сперва додумались до войны, а лишь затем до оружия. Война создала потребность оружия, а не наоборот.

Не заглядывая в даль веков, исследуем лишь взаимоотношения тактики и техники в новейшее время, рассмотрим последние звенья нашей цепи — чередование моментов тактических и технических.

1. Революционные и наполеоновские войны выдвинули массовые армии, а массовые армии создали новую тактику (вне всякой зависимости от техники). Тактика эта характеризовалась стрелковыми цепями (элемент огня), за которыми следовали «колонны к атаке» (элемент удара).

Новая тактика потребовала нового оружия. Ведение стрелкового боя требовало скорозаряжающегося ружья, массовые колонны, в свою очередь, являлись слишком заманчивыми целями, чтобы не стимулировать изобретательность конструкторов.

2. Дрейзе сконструировал свое игольчатое ружье. Новое оружие появилось как раз в той армии, которая наиболее полно и последовательно восприняла новую тактику. Пруссия, кроме того, одна сохранила «народную армию», и эта армия, при коротком сроке службы, естественно, более других нуждалась в простом устройстве скорозарядном ружье.

3. На это новое оружие техники тактика ответила рассыпным строем всего боевого порядка.

4. Рассыпной строй усложнил технические задачи (являющиеся в первую очередь проблемами поражаемости). Магазинное ружье не явилось удовлетворительным выходом из положения, и на рассыпной строй тактики техника смогла ответить в полной мере лишь машинным огнем пулемета.

5. На машинный огонь техники, тактика ответила расчленением боевого порядка в глубину.

Мы видим, таким образом, что, начиная с пещерного человека, в первый раз догадавшегося запустить камнем в соперника, до Максима Шнейдера и Круппа техника выполняет задачи, поставленные ей тактикой. Идея скорострельного ружья носилась в воздухе при Ваграме и Бородино, как идея пулемета чувствовалась при Сен-

Прива и Плевне. Техника никогда не творит вне времени и пространства. Ее работа указывается, более того, властно диктуется тактикой. Техник исходит из определенных современных ему тактических предпосылок. Дрейзе мог сконструировать игольчатое ружье, но он не мог сконструировать пулемет, как не додумался бы до пулемета и Максим, живи он в эпоху наполеоновской тактики.

Тактика — порождение духа властвует над техникой — порождением материи. Совершенно ошибочно, например, утверждение, что огромная пропорция артиллерии в Русской армии XVIII века объясняется тем, что Россия того времени «занимала первое место по выплавке чугуна». Большое количество пушек объясняется не этим методом исторического материализма, не тем, что пушки эти отливали с горя, не зная, куда девать избыток чугуна, а тем, что все наши тогдашние уставы (вспомним хотя бы Шувалова) отводили артиллерии первое место и проводили резко выраженную, даже утрированную огневую тактику. Абсурдно и утверждение материалистической школы, что производство бессемеровской стали открыло собой новую эру тактики (иные говорят, даже стратегии). В этом случае тактика создала новую эру техники, использовав бессемеровскую сталь в своих целях. Плод техники созрел в лучах солнца тактики.

* * *

Новая техника влечет за собой не новую тактику, а всего лишь новые тактические навыки. Тактика может измениться коренным образом от причин, совершенно независимых от техники (например, при переходе вербовочных армий на систему вооруженных народов). Природа тактики совершенно не должна измениться от технических условий, ибо она лежит вне досягаемости техники, будучи производной величиной военной доктрины. Военная же доктрина вытекает из доктрины национальной.

Ошибочность принципа «новая техника — новая тактика» — принципа, подчиняющего тактику технике — с особенной силой сказались на примере французской армии 1870 г.

В 1867 г. эта армия была перевооружена винтовкой Шасспо, по справедливости считавшейся лучшим ружьем в мире. Восторг техников немедленно сказался на Полевом уставе 1867 г., в основу которого легло положение: «При наличии нового оружия — все преимущества на сто-

роне обороняющегося. Оборонительный образ действий явится поэтому наиболее выгодным для пехоты, позволяя ей использовать в полной степени качества ее нового оружия». Никогда еще принцип «новая техника — новая тактика» не формулировался столь отчетливо.

С этой винтовкой и с уставом, порожденным ею, французы выступили на злополучную для них войну. Пассивность французской армии в августовских боях вокруг Меца — Фроссара при Форбах, Ламиро при Гравелоте, Канробера при Сен-Прива — объясняется именно этим уставом, переоценкой технических средств, стремлением подчинить тактику технике. Французские командиры заранее отказывались от наступления. Они прежде всего выбирали позицию (и в большинстве случаев отлично выбирали) с возможно лучшим обстрелом, занимали эту позицию, все дальнейшее ведение боя предоставляли «маршалу Шасспо». Имей французская армия 1870 г. свои старые сольферинские «табакерки», кто знает, быть может, при Гравелоте и Сен-Прива повторился бы порыв войск и почин командиров Инкермана и Мадженты. И войска, и командиры полупрофессиональной армии Второй империи были ведь те же!

Из этого, конечно, не следует делать скоропелого заключения «долой технику!». Не «долой технику», а «технику — на ее место». Техника — всего лишь инструмент тактики, средство, отнюдь не спасающее от проигрыша сражения, но заставляющее победителя — коль скоро техническое превосходство не на его стороне — покупать свою победу зачастую непомерной ценой, как о том свидетельствует Сен-Прива и Марна.

Чем шире область данного элемента войны, тем важнее этот элемент. Лучшая тактика побеждает лучшую технику (победы германских командиров 1870 г. над лучшей в мире винтовкой Шасспо), как лучшая стратегия побеждает лучшую тактику (победа на Марне французской армии, имевшей хорошую стратегию, хотя и плохую тактику, над германской армией, имевшей плохую стратегию, хотя и при лучшей тактике), как лучшая политика одолевает лучшую стратегию.

Не «новая техника — новая тактика», а «новая тактика — новая техника». Превосходство тактики над техникой — явление того же порядка, что и превосходство политики над экономикой, искусства над ремеслом, головы над брюхом и духа над материей.

Глава IX ПУЛЯ И ШТЫК

Пуля — выразительница огня. Штык — выразитель удара. Пуля — огонь — характеризует бой. Штык — характеризует победу.

На огне зиждется материальное могущество армии. На штыке — моральное. Штык — ее престиж, более того — престиж государства. Величайшая империя держалась на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык. В этих трех словах — ужас Фридриха II, войска которого после Кунерсдорфа отказывались принимать бой с русской армией. В них и растерянность Наполеона, услышавшего вечером эйлаусского побоища от лучшей своей дивизии — дивизии Сент-Илера — вместо традиционного: *Vive L'Empereur!* совершенное новое, никогда еще неслыханное: *Vive la paix!*¹

Если мы под «пулей» будем понимать огонь, а под «штыком» удар, то их сочетание даст нам маневр — характерный элемент боя. Маневр представляет сочетание элемента огня и элемента удара (мы имеем в виду наступательный маневр, единственно способный принести решение).

Сочетание в маневре элементов огня и удара — их пропорции — является переменной величиной, изменяясь в зависимости от национальных особенностей данной армии, господствующих в данную эпоху тактических доктрин (критерием чего являются уставы), а также от настроения данного момента (победитель, как правило, повышает значение ударного элемента; побежденный, боясь удара, все свои упования полагает на огонь). Короче, пропорция «пули» и «штыка» зависит отданной армии, данной эпохи, данного момента. При этом огонь — достояние рациональности, а «штык» — иррационален.

Глубоко ошибочно материалистическое положение, в силу которого «с развитием техники повышается значение элемента огня и понижается значение элемента удара». Мы только что видели, что техника, существенно влияя на тактические навыки, бессильна повлиять на саму природу тактики, лежащую в совершенно иной плоскости. Армии середины XVIII столетия с их кремневыми ружьями проводили гораздо более резко выраженную огневую тактику, чем вооруженные магазинными ружьями и скорострельными пушками армии конца XIX и начала

XX века. Фридрих II смотрел на свою пехоту как на «машину для стрельбы». Шувалов мечтал обратить всю тогдашнюю русскую армию в артиллерийскую прислугу.

* * *

Первая молодость нашей армии — эпоха со смерти Петра I до Румянцева — проходит под знаком увлечения производством огня и копирования тогдашней прусской огневой тактики.

И тот день 19 августа 1757 г., когда при Гросс-Егерсдорфе, в первом сражении с хваленой прусской армией, Румянец, схватив апшеронский и белозерские батальоны, стремительно повел их напролом сквозь чащу на ошеломленных пруссаков, стал знаменательным моментом нашей военной истории. С этого момента у нас стал возможен Суворов, стала возможной «Наука побеждать».

Заслугой Румянцева был вывод русской армии из рутин. Продираясь сквозь егерсдорфские лесные чащи, русские полки румянцева авангарда были символом всей армии, выходящей из дебрей рутин на широкий простор национального творчества и великих дел.

А вечной славой Суворова было установление закона равновесия между огнем и ударом, пулей и штыком.

Это равновесие было утрачено нашей армией после суворовского периода в плацпарадную эпоху первой половины XIX века, когда на ружья стали смотреть только как на амуниционную принадлежность для отработки приемов, отнюдь не как на огнестрельное оружие.

Кавказские и особенно туркестанские войны с храбрым, но неорганизованным и сильно впечатлительным противником показали огромное психологическое значение (специально в этих условиях) залпового огня. Залповая стрельба мало-помалу стала главным видом огня всей нашей пехоты. Ее особенно культивировали (в ущерб прочим видам стрельбы), и предметом гордости, венцом работы ротного командира этого доброго старого времени был выдержанный залп полуроста берданок, в котором бы ни один не сорвал. Рота считалась тогда «отлично стреляющей». Параллельно с этим велось Драгомировым и его последователями усиленное насаждение лжесуворовского принципа «пуля дура — штык молодец»: нарочитое умаление свойств огня и экзальтация штыка — главного и непобедимого оружия «святой серой скотинки».

¹ «Да здравствует император!», «Да здравствует мир!» (фр.)

Битва при Гумбиннене 4 августа 1914.

Итальянская открытка 1914 г.

Результат — Тюренчен. Наш залповый огонь — декоративный, но, конечно, недействительный, поразил своим архаизмом японских офицеров и полубеспристрастного свидетеля — сэра Яна Гамильтона. Сибиряки 11-го полка пошли в атаку «колоннами из середины», и Куроки мог бы сказать о русских при Тюренчене то же, что Сент-Арно сказал на Альме: «Они отстали на полстолетия».

За последовавшие затем десять лет русская армия наверстала все упущенное. Более того, ни одна армия не отводила в своих уставах и наставлениях огню такое почетное место, как наша. Ни в одной армии стрелковое дело, применение к местности, самоокапывание не культивировались так тщательно, как у нас. И вот кампания 1914 г. показала, что дело во все не в одной отличной стрелковой подготовке и не в скорости самоокапывания (как бы эти вещи сами по себе и ни были полезными и как бы ни изумлялись немцы и особенно австрийцы способности русской пехоты «моментально вращать в землю»).

Оба элемента боевого маневра — огонь и удар — были в русских войсках, безусловно,

высшего качества, нежели в австро-германских, хуже стрелявших и не имевших той моральной «штыковой традиции». Но сочетание этих элементов в неприятельской (в частности германской) тактике было гораздо более удачным, и качество неприятельского маневра поэтому гораздо выше. Техническое неравенство и разительное превосходство неприятельской стратегии дополняли картину, углубляли тактическое неравенство и создавали ту тяжелую и печальную обстановку, в которой пришлось работать русской армии в Великую войну.

Воевавшие в августе 1914 г. армии придерживались трех различных тактических начал: 1) преимущественно ударных — французская и австро-венгерская армии, 2) преимущественно огневых — русская, 3) ударно-огневая — германская.

Эта последняя армия добилась в 1914 г. наиболее крупных и наиболее блестящих тактических успехов как на Востоке, так и на Западе (проиграв в то же время войну стратегически). Гармония между огнем и ударом, между «пулей» и «штыком» была осуществлена в ней наиболее полным образом.

Мнение, что германская армия придерживалась в 1914 г. «чисто огневой тактики», ошибочно. Вспомним хотя бы их XVII корпус под Гумбинненом — пехоту в густых цепях, офицеров верхами, артиллерию, становившуюся на открытую позицию. Это — германский Тюренчен. Прочтем описание прорыва из сольдауского мешка остатков доблестного Ревельского полка, которому пришлось пробиваться сквозь густые массы немцев, обрушивавшихся в штыки с пением протестантских хоралов. На Западе было то же самое.

Моменты чисто ударной тактики шли у немцев, однако, рука об руку с моментами чисто огненной тактики. Сильным их местом именно и было умелое и быстрое чередование этих моментов, наподобие шотландского душа¹. Собирая огневые средства в кулак, они создавали на «обреченном» неприятельском участке огненный ад, а затем обрушивались туда, доводя опять свой удар до определенной степени напряжения.

В противоположность густой концентрации, насыщенности германской огневой тактики, русская огневая тактика поражала своей слабой концентрацией, своим, так сказать, «жидким раствором». Вся система нашего огня построена была на неуместной симметрии. У немцев огонь был сосредоточен: германский командир артиллерийской бригады стремился собрать огонь всех своих батарей в кулак. Русский же нарезал своим батареям шесть совершенно одинаковых участков по фронту. Немец был кулаком, мы — растопыренными пальцами. Техническая наша слабость при таких условиях являлась еще более ощутимой, и это несмотря на блестящую стрельбу наших артиллеристов, качеством значительно превосходящую таковую же немцев.

Мы видим, таким образом, всю огромную важность разумного сочетания моментов чисто огневой тактики с моментами тактики ударной. Одна подготавливает победу, другая ее пожинает, причем и та, и другая должны быть доведены до крайней степени интенсивности и сосредоточения. Одностороннее «штыкопоклонство», конечно, столь же абсурдно, как и одностороннее «огнепоклонство». В одном случае — Тюренчен, в другом — Гумбиннен, где нерешительный командир III корпуса не осмелился поднять из-за укрытий свою пехоту и взять голыми руками Ма-

кензена и его корпус, разгромленный нашими 25-й и 27-й артбригадами.

* * *

Посмотрим, как осуществил равновесие между огнем и ударом великий Суворов.

Суворовская «Наука побеждать» — катехизис, подобно которому не имеет и не будет иметь ни одна армия в мире, в своей философской основе изумительно полно отражает дух православной русской культуры. Оттого-то она и сделалась «наукой побеждать», оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения, впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники», они читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных очей. Неизреченная красота «Науки побеждать», ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз сокрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но в то же время менее всех его понявший, М. И. Драгомиров, пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой: «Пуля дура — штык молодец!»

Фраза эта взята, выхвачена из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко — пуля обмишуются, штык не обмишуются, пуля — дура, штык — молодец!»

Суворовское изречение приобретает здесь, на своем месте, совершенно иной смысл — свой настоящий смысл.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активно оборонительные петровские начала ее все более уступают место началам чисто пассивным. Уставы 1755-го (Шувалов) и 1763 г. (Чернышев), пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой исключительно на огне развернутого строя, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов боролся с этим злом. Ему приходилось преодолевать невероятную рутину, инерцию среды. Для преодоления этой рутины, этой инерции были нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. «Пуля дура, штык молодец» и была одним из таких подчеркива-

¹ Шотландский душ — разновидность душа Шарко, его контрастный вариант.

ний — подчеркнутым концом фразы, отнюдь не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова М. И. Драгомиров.

* * *

Если характеризовать все суворовское обучение одной фразой, крылатыми словами, то, конечно, это не будет «пуля — дура», а совершенно иное положение: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря». Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно еще в Суздальском полку. Но при этом он требует «скорости заряда и цельности приклада» и от grenадер с мушкетерами, а «крепкого укола» и от егерей. Каждому свое, а «Наука побеждать» — всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Напомним только его сражения. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва расстреливает огнем необстрелянные войска коронного гетмана. Под Гирсово его отряд расстреливает из шанцев вдвое сильнеешего неприятеля. При Козлудже, опрокинув турецкий авангард и подступив к турецкому лагерю, Суворов начинает четырехчасовую артиллерийскую подготовку (которая по тем временам может считаться исключительно длительной). Артиллерийская подготовка атаки Фокшанского монастыря короче, но и она занимает час времени. А батальонный огонь рымникских каре?

В то время как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь — стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно — и безрезультатно — пала оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки каре Салтыкова.

Противники «драгомировской романтики» — позитивисты грешат против памяти Суворова иным образом. «Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля была всего на сто шагов и могла считаться “дурой”. Теперь она бьет на три тыся-

чи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части возросли во столько-то десятков раз. Следовательно, в “Науке побеждать” нужно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал».

Подобный подход к делу — чисто материалистический. Бессмертие гения, будь то Суворов, Шекспир либо Рубенс, и заключается именно в том, что творчество их остается всегда полноценным. Рубенсовским кавалерам не надо подмалевывать смокингов на том основании, что при «современных обстоятельствах» никто кружевных воротников не носит. Все положения «Науки побеждать» верны и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться последнее солдатское сердце.

«Может случиться против турок, что пятисотенному каре надлежит будет прорвать пяти- или семитысячную толпу — на тот случай бросится он в колонну». Ученые позитивисты пожмут плечами: разве это современно? Кто сейчас воюет «кареями» и «колоннами»? Да и турки давно уже не дерутся толпой. Ясно, что это положение «Науки побеждать» устарело!

Но пусть они потрудятся прочесть это не телесными глазами, а духовными очами — и Бжезинский прорыв германцев из русского мешка под Лодзью сразу станет им ясен и «научно обоснован». И смогут оценить всю преступность куропаткинской формулы: «С превосходящими силами в бой отнюдь не вступать».

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился бы так: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики». И это опять-таки не мешало бы ему отпускать на каждого grenадера и мушкетера, как в те времена, патронов в несколько раз больше принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убойности стрельбы («редко да метко»), И так же внушать им, что «пуля обмишугается, штык не обмишугается». Ибо горе той пехоте, которая хоть на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет «обмишугаться». Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты «франфорской баталии».

А эпиграфом к «Науке побеждать» должно поставить: «Могий вместити, да вместит»...

Часть третья.

О ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Глава X

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ. ГЛАЗОМЕР, БЫСТРОТА, НАТИСК

К бессмертной формулировке Суворова нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Глазомер, быстрота и натиск были, есть и останутся тройным принципом как ведения войны, так и ведения боя.

Эти три элемента всеильны и в политике, и в стратегии с оператикой, и в тактике.

* * *

Первое место Суворов отводит глазомеру.

Глазомер — замысел. Оценка обстановки. Быстрота и натиск — выполнение. Использование обстановки.

Первенство глазомера тем явственнее, чем шире данный элемент войны. Чрезвычайно важный уже в тактике и оператике, он царит самодержавно в стратегии. Что же касается политики, то вся она не что иное, как глазомер правителя.

Глазомер без быстроты и натиска — сражение вничью. Это зимняя кампания Беннигсена 1807 г. Это медлительность Потемкина, давшая нам Очаков, но упустившая Царьград. Быстрота и натиск без глазомера — непоправимая катастрофа. Это безрассудный наскок Гитлера в 1939 г.

Следующий после глазомера элемент — быстрота — приобретает особую ценность в оператике.

Наконец, натиск — добродетель по преимуществу тактическая. В стратегии натиск иногда излишен, ибо может мешать глазомеру. В политике же часто губелен, затмевая глазомер, как то трагически показывает опыт Гитлера — азартного игрока и мистика, но отнюдь не государственного человека.

Глазомер — природная добродетель, развиваемая практикой. Быстрота во многом зависит от технических возможностей (сети дорог и состояния этих последних). Что касается натиска, то это качество — само по себе природное — находится в прямой зависимости от тактики данной армии и данной эпохи. Французская армия, проявившая исключительный натиск в Крыму и Италии, в кампанию 1870 г. держалась пассивно благодаря принятому ею за два года до того уставу.

Гармония между глазомером, быстротой и натиском не всегда удается и военному гению. Бонапарт в Италии, Наполеон в 1805 и 1806 гг. дал классические ее образцы. Тот же Наполеон в кампанию 1813 г. показал полное отсутствие глазомера, раздробив и разбросав свои силы по крепостям Германии и приняв Лейпцигскую битву в исключительно невыгодной обстановке. Подобного рода промахи мож-

но наблюдать и у других мастеров военного дела (причем всегда страдает глазомер). Один только Суворов дал нам непревзойденный образец этой гармонии за все время своего орлиного полета от Столовичей до Муттенской долины.

Глава XI О КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Основным правилом политика в коалиционной войне должна быть полная свобода действий. Государство должно вести войну, поскольку это требуют его интересы. Оно обязано прекратить военные действия и выйти из состава коалиции, лишь только продолжение войны окажется невыгодным и его интересы не соблюдаются союзниками.

Никогда не следует заключать предварительных соглашений и составлять торжественные декларации о незаключении сепаратного мира. Этим мы связываем себе руки (самая большая ошибка, которую может допустить плохой политик) и лишаем себя драгоценнейшего орудия дипломатического давления — отказываемся от главного козыря и подписываем пустой вексель, на который недобросовестные соратники могут затем записать все, что им вздумается.

Петр Великий, воюя со Швецией в союзе с Англией, Данией, Пруссией и Польшей и видя, что союзники стремятся загрести жар русскими руками, немедленно выступил из состава коалиции в 1717 г. и стал продолжать войну за свой счет. Он даже предложил Швеции мир и союз (не состоявшийся из-за смерти Карла XII). Это — политика, достойная великого монарха великой страны.

Сазонов закабалил Россию Лондонским протоколом в сентябре 1914 г., связал ей руки и обратил русскую армию в пушечное мясо для чужестранной выгоды. Нельзя было действовать хуже.

* * *

Стратег, подобно политику, должен хранить за собой полную свободу действий.

Не связывать себе рук предварительными военными конвенциями. Эти конвенции столь же нежелательны в стратегии, как декларации о незаключении сепаратного мира нежелательны в политике. Никаких цифр, никаких сроков, никаких формальных обязательств.

Обещать немного. Но все обещанное сдерживать свято.

Маршал Луиджи Кадорна.
Фотография. 1917 г.

Представлять счет за каждую оказанную услугу и, в свою очередь, платить немедленно за услугу союзника. Если по ходу военных операций нам придется таскать из огня каштаны, то потребовать от союзников огнеупорных перчаток.

Выручая Верден в марте 1916 г., мы положили у неразбитой немецкой проволоки у Нарочи 200 тысяч русских офицеров и солдат, надорвали свои силы на весь остаток кампании и не получили от союзников даже простой благодарности, не то что какой-либо компенсации. А итальянский главнокомандующий генерал Кадорна, когда союзники от него в декабре 1916 г. потребовали решительных действий в предстоящую кампанию, заявил им, что не сдвинется с места, пока они ему не пришлют 400 тяжелых батарей. Этот сильный язык был понят и уважен.

Полководец — полный хозяин своей вооруженной силы и своих решений. Он должен принимать к сведению пожелания своего союзного коллеги и сам при случае доводит до его сведения свои пожелания. Но он ни в коем случае не должен терпеть непрошенных советов и сам обязан воздержаться от подачи таковых.

Два с половиной миллиона павших со славой русских воинов мировой войны диктуют нам эти основные правила коалиционной борьбы.

Часть четвертая.

О ВОЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Глава XII КАЧЕСТВА ВОЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Воинские добродетели можно разделить на две категории: качества вообще необходимые воину, чтобы с честью носить свое звание при всяких обстоятельствах, и качества, необходимые ему при выполнении определенных его обязанностей, как в мирное время, так и на войне. Иными словами — качества основные, общие и качества вытекающие, специальные.

Основных воинских добродетели три: дисциплина, призвание и прямодушие.

Храбрость, которую иные ошибочно полагают главной воинской добродетелью, это только производная этих основных, главных качеств. Она заключена в каждом из них. Часть и люди, сохраняющие дисциплину под огнем, тем самым уже храбрая часть, храбрые люди. Солдат по призванию, твердо и пламенно верящий в это свое призвание, уже не может быть трусом. Наконец, прямодушие — открытое исповедание своей веры, своих взглядов, своих убеждений — откровенность и прямота гораздо выше храбрости, уже по той причине, что это — храбрость, возведенная в квадрат. Храбрость «сама по себе», так сказать, «голая храбрость» — малоценна, коль скоро она не соединяется с одной из этих трех основных воинских добродетелей, которые и рассмотрим по порядку.

* * *

«Субординация, экзерциция, дисциплина — победа, слава, слава, слава...»
Бессмертные слова бессмертной «Науки побеждать».

Суворов дает пять основных понятий в их гениальной простоте и гениальной последовательности. Сперва субординация — альфа и омега всего воинского естества. Потом экзерциция — упражнение, развитие, закалка. Это дает нам дисциплину, слагающуюся из элементов субординации и экзерциции — чинопочитания и совместного учения. Дисциплина дает победу. Победа рождает славу.

Мы различаем по форме дисциплину наружную и дисциплину внутреннюю, по естеству — дисциплину осмысленную. По форме дисциплина всех организованных армий сходна, по естеству же — глубоко различна.

По форме наружная дисциплина заключает в себе внешние признаки чинопочитания, внутренняя — степень прочности этой дисциплины.

Естество дисциплины различно, смотря по армиям, народам и степени духовности этих народов. Мало того, различным историческим эпохам соответствует различная дисциплина.

Русской армии соответствует дисциплина осмысленная по существу, но жестокая по форме. Для сохранения драгоценного содержания стенки сосуда не мешает

иметь сколь можно твердыми. Для сохранения качества дисциплины необходима известная доза автоматизма. Отношение автоматизма к осмысленности то же, что науки к искусству, лигатуры к благородному металлу.

* * *

Что касается второй воинской добродетели — пламенной веры в свое призвание, то в отличие от дисциплины — добродетели благоприобретаемой — она является врожденной.

Пусть молодой человек, колеблющийся в выборе карьеры, посмотрит на растерзанные полотнища знамен. Он сможет разобрать или угадать славянскую вязь: «За отбитие знамен у французских войск на горах Альпийских», «За подвиг при Шенграбене, в сражении отряда из пяти тысяч с корпусом из тридцати тысяч состоявшим», «За отличие при поражении и изгнании врага из пределов России в 1812 г.», «За Шипку и двукратный переход через Балканы». Если эти слова не покажутся ему райской музыкой, если он своим внутренним оком не увидит тут же рядом с собой сенготардских мушкетеров, шенграбенских гусар, бородинских егерей, не почувствует себя в их строю, тогда, значит, военного призвания у него нет и в армию ему идти нечего. Если же он увидел кровавый снег Муттенской долины и раскаленные утесы Шипки, если он почувствовал, что это ему Котляревский крикнул: «На пушки, братец, на пушки!» — тогда, значит, что священный огонек ярко вспыхнул в его груди. Тогда он — наш.

Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным. Эта любовь — самая бескорыстная. Военная профессия — единственная, не приносящая дохода. Она требует все, а дает очень мало. Конечно, в материальном отношении: в моральном это «малое» — огромно.

Но и быть влюбленным в военное дело недостаточно. Надо еще верить в свое призвание, каждую минуту ощущать в тяжелом ранце фельдмаршальский жезл — быть убежденным, что именно тебе, вверенным тебе роте, полку, корпусу надлежит сыграть главную роль, произвести перелом в критическую минуту.

* * *

Третья воинская добродетель — прямодушие. Подобно второй, призванию, она природная, и ее можно испортить превратным

толкованием первой воинской добродетели — дисциплины. Начальник — деспот, грубо — не по-офицерски обращающийся с подчиненными, терроризирующий их безмерно строгими взысканиями, может погубить эту добродетель в своих подчиненных.

Угодничанье (в сильной степени — подхалимство) — худший из всех пороков военного человека, единственно непоправимый, тот отрицательный сомножитель, который обращает в отрицательные величины все остальные достоинства и качества.

Казнокрад и трус терпимее подхалима. Те бесчестят лишь самих себя — этот же бесчестит всех окружающих, особенно же того, перед кем пресмыкается. Воровство и трусость не могут быть возведены в систему в сколько-нибудь организованной армии. Подхалимство и его неизбежное следствие, а именно очковтирательство — могут. И тогда — горе армии, горе стране! Не бывало и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины.

Мы можем видеть, что если дисциплина имеет корни в воспитании, а призвание вытекает из психики, то прямодушие — вопрос этики.

* * *

Из качеств специальных на первое место поставим личный почин — инициативу.

Качество это — природное, но оно может быть развито — или, наоборот, подавлено — условиями воспитания, быта, духом уставов, характером дисциплины (осмысленной либо автоматической по естеству) данной армии.

«Местный лучше судит, — учил Суворов. — Я вправо, нужно влево — меня не слушать». Эти слова касаются наиболее болевой и наиболее «иррациональной» стороны военного дела, а именно сознательного нарушения приказа — конфликта инициативы с дисциплиной.

Когда следует идти на этот конфликт и когда не следует? Ведь если «местный лучше судит», то часто «дальний дальше видит».

Всякого рода схематичность и кодификация в данном случае неуместны. Все зависит от обстановки, от средств, имеющихся в распоряжении частного начальника, а главное — от силы духа этого последнего. Это как раз «божественная часть» военного дела.

На рассвете 22 мая 1854 г. Дунайская армия князя Горчакова готовилась к штурму Силистрии. Минные горны были уже взорваны, турецкая ар-

тиллерия приведена к молчанию, войска ожидали условной ракеты, как вдруг фельдгегерь из Ясс привез приказ Паскевича снять осаду и отступить.

Князь Варшавский был преувеличенного мнения о силе турецкой крепости. Горчаков, как «местный», мог бы лучше судить, но не дерзнул послушаться грозного фельдмаршала. И отступление из-под Силистрии, пагубно повлияв на дух войск, свело на нет всю кампанию, ухудшив положение России и стратегически и политически.

Иначе поступил за полтора года до того под Нотебургом князь Михайло Голицын. Три наших штурма были отражены, и войска, прижатые к реке, несли громадный урон. Царь Петр прислал Меншикова с приказанием отступить. «Скажи государю, — ответил Голицын, — что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле!» И четвертым приступом Нотебург был взят.

В последних числах января 1916 г. генерал Юденич решился на штурм считавшегося неприступным Эрзерума, несмотря на отрицательное отношение великого князя Николая Николаевича, не верившего в возможность овладения турецкой твердыней, да еще в зимнюю пору.

Когда в октябре 1919 г. командовавший 3-й дивизией Северо-Западной армии генерал Ветренко отказался выполнить приказание идти на Тосну и перерезать сообщения красного Петрограда, то этим он не проявил инициативу, а совершил преступление. Свернув вместо указанной Тосны на Петроград, генерал Ветренко руководствовался исключительно мотивами личного честолюбия — и этим своим своевољством сорвал всю петроградскую операцию Юденича.

То же мы можем сказать про своеволие генерала Рузского, пошедшего в чаянии дешевых лавров на не имевший значения Львов вопреки приказаниям генерала Иванова и упустившего разгром австро-венгерских армий.

В октябре 1919 г. Московский поход был сорван прорывом Буденного от Воронежа. В это же время I армейский корпус генерала Кутепова разбил под Орлом последние силы красных, прикрывавшие московское направление.

У генерала Кутепова было 11 000 отличных бойцов. Он мог устремиться с ними, очертя голову, на Москву, бросив всю остальную армию, бросив тылы, не обращая внимания на прорвавшегося Буденного. Но он подчинился директиве Главного командования и отступил, «сократив и выровняв фронт». И Кутепов, и его подчиненные были уверены, что это ненадолго, что это — лишь до Курска...

Впоследствии генерал Кутепов сожалел, что не отважился на первое решение и не пошел от Орла на Москву. Психологический момент в гражданскую войну всесильен, взятие Москвы свело бы на нет все успехи Буденного. Но кто посмеет упрекнуть Кутепова в нерешительности? В его положении один лишь Карл XII, не задумываясь, бросился бы на Москву. Но это как раз полководец, опрометчивостью погубивший свою армию. Отступить временно на Курск сулило, конечно, большие выгоды, чем прыжок с зажмуренными глазами в пространство. Ведь в случае весьма возможной неудачи гибель была совершенно неизбежной, и погибло бы как раз ядро Добровольческой армии, ее цвет.

Из всех примеров видна вся невозможность провести точную грань между дозволенной инициативой и гибельным своевољием.

Мы можем указать эту грань лишь приблизительно.

Инициатива — явление импровизационного характера. Она уместна и желательна в тактике, с трудом допустима в оператике и совершенно нетерпима в стратегии. Всякая импровизация — враг организации. Она допустима в мелочах, изменяя их к лучшему (в приложении к военному делу — в тактике). Но в сути дела (в военном деле — в оператике и в стратегии) она вредна. 29-я пехотная дивизия генерала Розеншильда-Паулина и 25-я генерала Булгакова решали под Сталлупененом тактические задания. Частный почин Розеншильда, выручившего соседа, — целиком оправдан, это блестящее решение. Дивизия же генерала Ветренко под Петроградом решала (в условиях гражданской войны) стратегическую задачу — никакая инициатива там не была терпима.

Достоинство для тактика, инициатива превращается в порок для стратега.

* * *

Отметим честолюбие и славолюбие. Желание вечно жить в памяти потомства вообще доказывает бессмертие духа. Со всем этим и честолюбие, и славолюбие сами по себе — пороки. Подобно тому как яд в небольшом количестве входит в состав лекарства, так и эти два порока в небольшой дозе могут принести пользу в качестве весьма действенного стимула.

Упомянем еще про храбрость. Мы знаем, что сама по себе (не входя составным элемен-

*Анри Феликс Эммануэль Филиппото. Битва при Фонтенуа 11 мая 1745 г.
Переговоры лорда Чарльза Хэя и графа д'Энтероша: «Господа англичане стреляют первыми!».
1873 г.*

том в какую-нибудь из трех основных воинских добродетелей) она особенно высокой ценности не представляет.

Суворов это осознал. Он учил: «Солдату — храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество», предъявляя каждой высшей категории военных людей высшее требование. Это — три концентрических круга. Неустрашимость — есть храбрость, отдающая себе отчет о происходящем, храбрость в сочетании с решимостью и сознанием высокой чести командовать, вести за собой храбрых. Мужество есть неустрашимость в сочетании с чувством ответственности.

В общей своей массе люди — не трусы. Те, кто способны под огнем идти вперед, уже не могут называться трусами, хотя настоящих храбрецов, которым улыбнулся с неба святой Георгий, быть может, пять человек на роту. Остальные — не храбрецы, но и не трусы. Пример неустрашимого командира и храбрых товарищей может сделать из них храбрецов, отсутствие этого примера обращает их в стадо, и тогда губительный пример открытой трусости может все погубить. При этом следует, однако, отметить, что среди трусов преобладает вполне исправимый тип «шкурника». Настоящие же, неисправимые трусы — явление, к счастью для человечества, редкое.

Глава XIII ВОЕННАЯ ЭТИКА И ВОИНСКАЯ ЭТИКА

Под военной этикой мы разумеем совокупность правил и обычаев, как кодифицированных, так и не кодифицированных, которыми противники должны руководствоваться на войне. Под воинской этикой — правила и обычаи, которые члены военной семьи соблюдают при сношении друг с другом и вся военная среда в сношениях с невоенными.

* * *

Конец XVII века и почти весь XVIII век с их «кабинетными» войнами, веденными за государственные интересы профессиональными армиями, были золотым веком человечества. Война велась без ненависти ко врагу, да и «врагов» не было — были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле.

После битвы на Треббии Суворов приказал вернуть шпаги взятой в плен 17-й полубригаде из уважения к двухсотлетней славе и доблести Королевского овернского полка, из коего она

была составлена. За полстолетия до того, при Фонтенуа¹, шотландцы сблизилась на пятьдесят шагов с французской гвардией, продолжавшей безмолвно стоять. Лорд Гоу крикнул французскому полковнику: «Прикажите же стрелять!» — «После вас, господа англичане!» — ответил французский командир граф д'Отрош, учтиво отсалютовав шпагой. Залп всем фронтом шотландской бригады положил сотни французов. Это «*Après vous, messieurs les Anglais!*» стало нарицательным. Свою роль в истории двух народов эпизод этот сыграл — о нем 170 лет спустя напомнил Фошу маршал Френч, когда та самая шотландская бригада пожертвовала собой, прикрыв отход французов в критическую минуту под Ипром.

Современная военная этика — лишь бледная тень той, которая была выработана поколениями воинов за полтора столетия кабинетной политики и профессиональных армий. Всего того запаса чести, отваги и учтивости хватило и на полчища Первой республики — полчища, предводимые офицерами и унтер-офицерами старой королевской армии, смогшими привить своим подчиненным традиции и дух, в которых сами были воспитаны.

Революция 1789 г. с ее вооруженными массами нанесла жестокий ущерб военной этике. Уже столкновения вооруженного французского народа с вооружившимися народами испанским и русским воскресило картины варварских нашествий и религиозных войн.

Профессиональные (и полупрофессиональные) армии сообщали войнам оттенок гуманности, впоследствии совершенно утраченной. Крымская и Итальянская война были последними из больших войн, веденных джентльменами. Уже война 1870 г. и поведение в ней германского вооруженного народа показали всю несовместимость правил морали и воинской этики с интеллектом вооруженных народных масс. О безобразных бойнях 1914 г. — позоре Динана и Лувена²,

¹ *Битва при Фонтенуа* — сражение между французскими войсками, с одной стороны, и союзными силами англичан, армии Нидерландов и ганноверцев у деревни Фонтенуа (на западе современной Бельгии) во время Войны за австрийское наследство. Битва закончилась победой французской армии.

² Имеются в виду два эпизода в начале Первой мировой войны — убийство немцами более 600 жителей бельгийского города Динан, которые подозревались в сопротивлении, и приведший к многочисленным разрушениям и жертвам обстрел германской артиллерией города Лувен (Лёвен), также находящегося в Бельгии, проведенный в отместку за обстрел жителями города немецких солдат.

зверствах в Сербии, развале русской, германской и австро-венгерской армий и отвратительных явлениях, этот развал сопровождавших, нечего и говорить. Заменяя профессиональные «воспитанные» армии свирепыми народными ополчениями, человечество заменило бичи скорпионами, усугубило бедствия войны.

Вместе с тем война неизбежна, как неизбежна болезнь — от нее не избавишься никакими бумажными договорами. Следовательно, человечеству надо устроиться так, чтобы сделать войны легче переносимыми, избавиться от гангрены морального разложения, болезненный процесс которой длится долгие годы после самой войны.

Народное просвещение не может здесь помочь. Тысяча умственно развитых индивидуумов дадут при соединении невежественную и свирепую толпу. Лувенские поджигатели и динанские палачи принадлежали к самой грамотной нации в мире. Решающий фактор здесь — воспитание. И в этой области (как и во всех других областях военного дела) воспитание господствует над обучением.

Изжив психоз «вооруженного народа», придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколько можно более церковный дух, мы освободимся от петли, наброшенной на нашу шею доктринерами 1789 г. и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер «доброкачественной язвы» вместо злокачественного фурункула, и можно будет опять говорить о военной этике.

* * *

Воинская этика — это совокупность правил, писанных, но главным образом неписанных, которыми члены военной семьи руководствуются при сношении друг с другом.

Полноправными членами военной семьи, так сказать, «достигшими совершеннолетия», можно считать лишь солдат по призванию — офицерский корпус, сверхсрочных и охотников. Только к ним поэтому надо предъявлять требования воинской этики во всей их строгости.

Отношения младших к старшим, подчиненных к начальникам, в достаточной степени очеркнуты уставами — писанными правилами воинской этики. Гораздо менее ясна область отношений старших к младшему.

Каждый начальник, какую бы должность он ни занимал (до Верховного главнокомандующе-

го включительно), должен всегда помнить, что он не просто командует, а имеет честь командовать. Он это обязан помнить как в мирное время, уважая в подчиненном его воинское достоинство, так — и особенно — на войне, когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в глазах грядущих поколений.

Общее оскудение народного духа в продолжение второй половины XIX и начала XX века повело к постепенному, но чрезвычайно ошутимому снижению воинской этики, и мы имели в Мировую войну сдачу командира XIII корпуса генерала Клюева, сдачу командира XX корпуса генерала Булгакова, сдачу в Новогеоргиевске генерала Бобыря, бегство командира VI корпуса генерала Благовещенского, бегство командующего Кавказской армией генерала Мышлаевского, бегство коменданта Ковно генерала Григорьева.

Исследуем с точки зрения воинской этики наименее тяжелый из этих случаев — сдачу генерала Клюева.

Генерал Клюев по справедливости считался блестящим офицером Генерального штаба и выдающимся знатоком германского противника. Его настоящим местом был пост начальника штаба Северо-Западного фронта. В июле 1914 г. он командовал Кавказским корпусом в Карсе и был вызван по телеграфу в Смоленск для принятия XIII корпуса, командир которого, генерал Алексеев, был назначен начальником штаба Юго-Западного фронта. Свой корпус он нашел уже в пути. Ни начальников, ни войск он не знал, управление корпусом обратилось для него в решение уравнения со многими неизвестными.

Сильно распушенный предшественниками генерала Клюева, корпус вообще не пользовался хорошей репутацией. Мобилизация окончательно расстроила его, лишив половины и без того слабых кадров и разбавив на три четверти запасными. По своим качествам это были второчередные войска — невтянутые и неподтянутые. В недельный срок ни Клюев, ни Скобелев не смогли бы их устроить. Вся тяжесть боев 2-й армии легла на превосходный XV корпус генерала Мартоса. XIII корпус, до самой гибели не имевший серьезных столкновений, пришел с начала похода в полное расстройство. Генерал Клюев — только жертва своего предшественника. Он оказался в положении дуэлянта, получающего у самого барьера из рук секунданта уже заряженный ими и совершенно ему незнакомый пистолет. Проверить правильность зарядки он

не может, бой пистолета ему совершенно неизвестен. И вот, заряжен он был небрежно, и вместо резкого выстрела получился плевок пульей. Стрелок совершенно невиновен. Но если он затем смалодушничает под наведенным на него пистолетом противника, то пусть пеняет на себя.

А это как раз то, что случилось с генералом Клюевым. Он сдался, совершенно не отдавая себе отчет в том, что он этим самым совершает, в том, как повысится дух противника и понизится наш собственный при вести о сдаче такого важного лица, как командир корпуса. Он знал, что командует корпусом, но никогда не подозревал, что он имеет честь командовать. А командир корпуса — человек, при появлении которого замирают, отказываются от собственного «я» десятки тысяч людей, который может приказать пойти на смерть сорока тысячам, должен эту честь осознать особенно и платить за нее, когда это придется — платить, не дрогнув.

Когда за 60 лет до сдачи генерала Клюева, в сражении на Черной Речке командир нашего III корпуса генерал Ред увидел, что дело потеряно, что корпус, который он вводил в бой по частям, потерпел поражение, он обнажил саблю, пошел перед Вологодским полком и был поднят завами на штыки.

Честь повелевала генералу Клюеву явиться в Невский полк храброго Первушина и пойти с ним — и перед ним — на германские батареи у Кальтенборна. Он мог погибнуть со славой либо мог быть взят в плен с оружием в руках, как были взяты Осман-паша и Корнилов. Беда заключалась в том, что он слишком отчетливо представлял себе конец своей карьеры без сабли в крепостном каземате и никак не представлял его тут же — на кальтенборнском поле. Подобно Небогатову, он сдался «во избежание напрасного кровопролития», не сознавая, что яд, который он таким образом ввел в организм армии, гораздо опаснее кровотоечения, что это «избежание кровопролития» чревато в будущем кровопролитиями еще большими, что армии, флоту и Родине легче перенести гибель в честном бою корпуса либо эскадры, чем их сдачу врагу.

* * *

Мы подошли теперь к вопросу о капитуляции. Лучше всего этот вопрос был разработан французскими уставами после печального опыта 1870 г. За сдачу воинской части в открытом поле — все равно, при каких обстоятельствах

и на каких бы условиях она ни состоялась — командир подлежит смертной казни.

Что касается капитуляции крепостей, то у нас есть два примера: безобразная сдача Новогеоргиевска генералом Бобырем и почетная капитуляция генерала Стесселя в Порт-Артуре. Не будем бесчестить этих страниц описанием преступления Бобыря. Рассмотрим лучше сдачу Порт-Артура.

Общественное мнение было чрезвычайно сурово к генералу Стесселю, обвиняя его в преждевременной сдаче крепости со всеми запасами боевого снаряжения. Если бы гарнизон состоял из металлических автоматов, крепость, конечно, могла продержаться еще, до истощения всех запасов, но это были люди, и притом люди, бесценно выдержавшие восемь месяцев блокады и шесть месяцев осады, неслыханной в истории.

В том, что японцам был сдан материал, виноват не Стессель, а устав, допускающий такую очевидную несообразность, как «почетная капитуляция». Дело в том, что при заключении таковой победитель первым и неизменно условием ставит сдачу в полной исправности всей артиллерии и снаряжения и, в обмен на воинские почести — на салют саблей, получает сотни орудий и миллионы патронов.

Мы считаем, что единственным выходом из положения может быть не капитуляция, т. е. договор, заключаемый парламентарями, а просто сдача безо всяких условий, но предварительно со взрывом всех верков и приведением в полную негодность всего вооружения. Так поступил в Перемышле генерал Кусманек, благодаря чему наш Юго-Западный фронт не смог воспользоваться богатым перемышльским арсеналом в критическую весну 1915 г., тогда как немцы долгие недели гвоздили французские позиции на Изере артиллерией Мобежа, а новогеоргиевскими пушками экипировали свой эльзасский фронт. Благородный противник отдает воинские почести и в этом случае. А от неблагородного почестей вообще принимать не следует. Они лишь оскорбили бы нашу честь. Защитники форта Во и крепостцы Лонгви отказались принять свои шапки из рук динанских убийц.

Нравне с капитуляцией следует вывести из воинского обихода такое издевательство над присягой, как согласие на привилегированное положение в плену за честное слово не бежать. Это придумал сибарит для сибарита, а не офицер для офицера.

* * *

В общем, воинская этика «снизу вверх» — подчиненных в отношении начальников — заключается в соблюдении писанных правил. Сверху вниз, от начальников к подчиненным — в соблюдении правил неписанных. Соблюсти требования этики начальнику труднее, чем подчиненному: с него больше спрашивается, ибо ему и больше дается.

Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным — таким же офицерам, как начальник, и сознание величия «чести командовать».

Глава XIV УМ И ВОЛЯ

Все рассмотренные нами качества военного человека, как основные, так и вспомогательные, в своей основе имеют два начала — «умовое» и «волевое». Равновесие этих двух начал, изумительно полно выраженное в Петре I, Румянцеве, дает нам идеальный тип военного человека, идеальный тип вождя.

Обычно перевешивает один из двух этих элементов, дающий нам начало «по преимуществу умовое» (Беннигсен), либо «по преимуществу волевое» (Блюхер). В первом случае — составители планов, во втором — исполнители.

Бывает гипертрофия одного элемента за счет другого. Чисто умовое начало, при атрофии воли, — Куропаткин, Алексеев. Чисто волевое, при атрофии рассудка, — Карл XII; это явление уже патологического характера, неизбежно влекущее за собой катастрофу.

Ум без воли — абсолютный нуль. Воля без ума — отрицательная величина.

В сфере полководчества преобладание волевого элемента над умовым дает лучшие результаты, чем преобладание умового элемента над волевым. Посредственное решение, будучи энергично проведено, даст результаты всегда лучшие, чем решение идеальное, но не претворенное в дело или выполняемое с колебаниями. Медная монета, непрерывно циркулирующая, полезнее червонца, зарытого в землю. Научная подготовка и интеллект Шварценберга гораздо выше таковых же Блюхера, но огненная душа и неукротимая воля Блюхера ставят его полководчество (несмотря на Бриени и Монмирайль) гораздо выше дел Шварценберга. Не имеющий высшего военного образования Макензен ока-